

№4

18+

Традиции

& АВАНГАРД

Коллектив авторов

Традиции & авангард. Выпуск № 4

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 82-822
ББК 94.3

Коллектив авторов

Традиции & авангард. Выпуск № 4 / Коллектив авторов — «ИП
Березина Г.Н.», 2019

ISBN 978-5-00153-225-5

В новом номере журнала «Традиции и Авангард» читателя ожидает новая встреча с современной литературой. Наряду с художественной прозой и поэзией в выпуск вошла публицистика разных жанров – очерк, критика, биографическая проза, а также уникальный образец фольклорных интервью. Также публикуется продолжение документального романа Полины Жеребцовой «45-ая параллель».

УДК 82-822

ББК 94.3

ISBN 978-5-00153-225-5

© Коллектив авторов, 2019

© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Наталья Мелёхина	6
Перевал Волкова	7
Ефросиния Капустина	14
Нас хватает. Выжить	15
Николай Коляда	19
Масакра	20
Татьяна Берцева	33
Гуляющая роща	34
Дарья Верясова	38
Потому что он – всегда	39
Александр Снегирёв	44
Делал как для себя	45
Михаил Куимов	49
Снег уже не растает до мая	50
Андрей Рубанов, Василий Авченко	55
Штормовое предупреждение	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Традиции Авангард. Выпуск № 4

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Наталья Мелёхина

Наталья Мелёхина родилась в 1979 году в деревне Полтино Грязовецкого района Вологодской области. Окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства ВГПУ. Журналист, писатель, литературный критик. Лауреат нескольких литературных конкурсов и фестивалей.

Публиковалась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов». Автор трёх книг прозы. Рассказы переведены на китайский и арабский языки. Живёт в Вологде.

Перевал Волкова

Рассказ

И. А. Подольному

Ранним утром официанты маленького кафе «Перевал» на полную мощность включили кондиционер. Пока было мало посетителей и никто не жаловался на сквозняки, они впрок запасали прохладу на грядущий день. И правильно делали! Душно было в майском городе перед надвигающимся ливнем. Душно и пыльно даже в этот ранний час, и только в «Перевале» ощущался не по-здешнему холодный ветер, будто залетевший сюда с берегов Стикса или Леты.

Молодой корреспондент «Местной газеты» Дмитрий Волков, а для друзей и коллег – просто Митька, взял себе кофе, но не для того, чтобы пить. Он сделал для вида пару глотков, а потом поставил чашку напротив: кофейный запах немного отвлекал от тошноты. Еще в детстве Митьке поставили неврологический диагноз, больше похожий на скороговорку, трудно произносимый вслух для людей без медицинского образования, и, как следствие этой скороговорки, молодой человек страдал жуткой метеозависимостью. Перед дождем у него всегда страшно болела голова.

Неудивительно, что с утра журналист ненавидел весь этот мир вокруг, как ненавидят его записные алкоголики при сильном похмелье. И вообще «весь этот мир» вечно насмехался над Митькой. Взять хоть внешний вид: журналисту уже исполнилось двадцать пять, и виски его серебрились от ранней седины, а в магазинах при покупке алкоголя с него все еще спрашивали паспорт, потому что он выглядел хорошеньким подростком: тонкий, невысокий, с гладкой смуглой кожей, коротко, по-мальчишески стриженный, с ясными глазами ребенка. А эта злополучная седина серебрилась так аккуратно, будто это не каприз природы, а расчет опытного парикмахера, хорошо знающего модные тенденции. И бывало, корректоры «Местной газеты», две женщины в возрасте, говорили ему: зачем, мол, красишь виски в седину, зачем хочешь казаться старше, мол, да, модно это сейчас, но тебе так это не идет, успеешь еще состариться. И что им скажешь в ответ?

Или вот – работа. Дмитрий вел в «Местной газете» полосу спорта. Обычно этим занимаются бывшие спортсмены, а из Митьки с его скороговоркой-диагнозом какой спортсмен? Или этот сон, поставивший его в дурацкое положение? Разве нормальным людям снится подобное?

Три недели назад в городе еще лежал последний снег. Теперь-то он уже стоял и стек вонючими ручьями не в Стикс, не в Лету, а в отравленную канализацией реку, единственную в городе. И воздух тогда был наполнен вонью и влагой, и вечером вот так же перед дождем Митька страдал от головной боли и тошноты. Он с трудом уснул, приняв таблетку анальгина. Во сне журналист очутился в смутно знакомой квартире.

Митька вспомнил: три года назад именно здесь он брал интервью у бизнесмена-мецената Михаила Марковича, кажется, для материала про серию благотворительных баскетбольных матчей местного клуба, играющего в суперлиге. И вот теперь во сне меценат снова сидел в своей гостиной. Полный мужчина с бритой головой был одет в ослепительно-белую рубашку, настолько чистую и свежую, что от нее будто бы исходил яркий свет. Журналист даже зажмурился, прикрыв глаза рукой.

– Дмитрий, мой отец тоскует по мне, – заявил Михаил Маркович. – Навестите его. Он нуждается в вас. Так расстраивались все в последнее время... А ведь потеря лежала там, где хранится всё позабытое.

Путру Митька проснулся совершенно здоровым, но сон мучил его ещё долго, хуже головной боли. За завтраком, просматривая новости на планшете, он вбил в поисковик «Михаил Маркович Познанский». И вздрогнул: первая же статья оказалась некрологом, сообщавшим, что бизнесмен умер полтора года назад от рака. «Покойники часто снятся перед дождем» – вспомнил Митька: так когда-то говорила его бабушка, тоже покинувшая мир живых. Корреспонденту не было нужды спрашивать у «Гугл» и «Яндекс» про отца бизнесмена Познанского. Его и так все знали: Марк Наумович, почетный гражданин города, выдающийся химик, литератор, коллекционер, краевед.

«Если покойный человек пришел во сне, значит, что-то ему нужно», – вновь отчетливо прозвучали в памяти бабушкины слова. «Дебильная ситуация, – подумал Митька. – Не могу же я позвонить профессору Познанскому и заявить, что покойный сын передавал ему привет. За такое или морду набьют, или в психушку отправят. Или решат, что я аферист. И к тому же кто я и кто он?»

Каково потерять близкого человека, Митя знал. Два года назад у него умер отец, тоже из-за онкологии. Журналист представлял, как бы он сам отреагировал, если бы некто незнакомый позвонил и рассказал подобный сон о его умершем родителе. «Бред какой-то!» – восклицал про себя Митька и привычно гнал от себя все мысли о своем отце.

Митя думал о нем слишком часто. Словно раздвоившись во времени, журналист жил наполовину в настоящем, а наполовину – в прошлом, где отец был ещё жив. К примеру, направляясь из редакции на обед, вспоминал, как по этой же самой улице сопровождал папу в аптеку за лекарствами. Отцу тогда уже выписывали сильнодействующие препараты, которые получить мог только он сам по паспорту... О, сколько раз паспорт был забыт в аптеке вместе с только что полученными лекарствами, а также рецептами или сотовым телефоном, или кошельком! И чтобы такого не случилось, кому-то из троих взрослых сыновей приходилось сопровождать его. И Дмитрий шёл вровень с отцом, с трудом заставляя себя шагать так же медленно, как больной, ковылять, как раненое насекомое, будто жук без лапки, и стыдно было за само это сравнение.

Митин отец – в прошлом спортсмен-боксер в тяжёлом весе, а потом и тренер по боксу – всего за какие-то пару лет превратился в беспомощного старика. После его ухода из жизни Митька, бывало, смотрел на себя в зеркало и спрашивал у хрупкого и хмурого парня с той стороны стекла: «Разве такого наследника должен был оставить мой отец?» И отражение усмехалось: «Нет, нет, ну конечно, не такого». Перед непогодой отец часто являлся ему в снах и обнимал за плечи, как изредка обнимал и при жизни, и говорил, как говаривал иногда и в реальности: «Горжусь тобой, Митька!»

Он и в самом деле гордился Митькой с самого раннего детства по поводу и без: когда мальчишка получал пятёрки в школе, когда удачно сдавал экзамены в «музыкалке», когда написал ЕГЭ по русскому на сто баллов, когда поступил на журфак и получил работу. Отец пытался бороться со слабостью Митькиного здоровья: в детстве возил сына в санатории, делал с ним зарядку, занимался с ним на турнике, даже научил боксировать, но сразу было понятно, что в чемпионы Митьке не выбиться никогда. Впрочем, отцовские труды не пропали даром: Митька стал крепче, хоть и не смог бы соперничать с двумя своими братьями в ловкости и силе. Старший из них, Антон, был чемпионом города по боксу, средний, Вадим, предпочёл лёгкую атлетику, стал кандидатом в мастера спорта, и только младший, Митька, не имел в спорте никаких заслуг. Разве что вёл полосу в «Местной газете», где рассказывал о чужих победах.

Отец словно бы и не замечал этой разницы между тремя своими детьми, он щадил болезненную впечатлительность и самолюбие младшего сына, и эта отцовская любовь, нелогичная, огромная, прощающая всё, заведомо и заранее, давила на Митю как неподъёмная штанга, даже теперь. Она была как солидное, но обременительное наследство: и управлять им тяжело, и бросить невозможно.

Беспокойство из-за странного сна не покидало Митьку. Намучившись от сомнений, наконец он решился. Взял у коллег номер сотового Марка Наумовича и позвонил ему специально не из редакции, а вечером из дома: не хотелось, чтобы этот разговор услышал кто-то посторонний. Поздоровавшись и представившись, Митька сразу же предупредил:

– Марк Наумович, я звоню по очень странному делу и, честно сказать, боюсь, что вы сочтёте меня сумасшедшим. Возможно, нам лучше поговорить не по телефону, а при встрече.

– Заочно я вас знаю: читал ваши статьи о спор-р-рте, – громким рыком донеслось с той стороны трубки. – Заинтриговали, молодой человек! Репортажи о баскетболе мне особенно нравятся. Вы – тот самый Дмитрий Волков. Я сейчас лежу в больнице, изнываю от скуки, так что, что бы вы мне ни р-р-рассказали, всему буду р-р-рад. Давайте выкладывайте ср-р-разу, по телефону.

– Боюсь, мой рассказ, скорее, может вас расстроить. – Митька удивлялся, как легко, с первых же слов сложилось общение с профессором. Поражало и то, что Марк Наумович запомнил из газетных публикаций фамилию рядового спортивного репортёра. Митя, запинаясь от смущения, пересказал свой сон.

С той стороны трубки затянулась пауза. Митька не решался её прервать и какое-то время просто слушал тишину, казавшуюся ему не менее громкой, чем голос Марка Наумовича. Журналист очень не хотел, чтобы это молчание прервали короткие гудки. Уж лучше пусть его высмеют или пусть отругают. Однако напрасно дрожала трубка в Митькиной руке. Марк Наумович с расстановкой произнёс:

– Что же, Дима, это действительно очень необычно – всё необычно, что вы рассказали. Он так и сказал: «Там, где хранится всё позабытое»?

– Да, именно так.

– Я уже нашёл эту утрату. И я не сомневаюсь, что вы видели этот сон. Кроме сна, вам неоткуда было бы узнать об этом случае. И да, я очень скучаю по сыну. Даже в больницу вот загремел. Доктора тут говорят, что диагноз мой – status simulaticus, да и тот – от тоски. Завтра меня как раз выписывают. И, пожалуй, после вашего звонка я почувствовал себя намного лучше. Мы должны с вами встретиться. Я думаю, вы имеете право знать, о какой потере шла речь. Решиться на такой звонок – мужской поступок.

«Мужской поступок» – теперь, сидя в кафе «Перевал», Митька усмехнулся, вспомнив эту фразу. Ну какой из него «настоящий мужчина»? Так... обычный парень, не обладающий ни особой силой, ни особыми талантами. И снова накатила тошнота, и снова пришлось взять в руки чашку с капучино, чтобы вдохнуть отвлекающий от дурноты запах кофе. «Весь этот мир – чушь. Вот отец был настоящим мужчиной, не то что я. И Познанский, талантливый был бизнесмен, вот он тоже был настоящим мужчиной, но они умерли, а я зачем-то живу. Жизнь полна бессмысленных сюжетов, как сны под утро, и на фиг мне всё это сдалось? Зачем я иду к этому профессору?» – Митька отхлебнул глоток кофе и заставил себя встать.

Всё-таки в доме напротив «Перевала» его уже ждал Марк Наумович.

* * *

В ожидании гостя Марк Наумович вышел на балкон. Глотнуть бы в такую жару хоть немного свежего ветерка. Но прохладного воздуха в душном летнем городе не было и в помине. Профессор чуть поправил пепельницу на краю небольшого балконного столика. Она стояла здесь для друзей: в доме Марка Наумовича часто собирались шумные компании лучших не то что в городе, а в стране музыкантов, актёров, писателей, учёных... А вот сам он никогда не курил. Подростком в послевоенные переболел туберкулёзом и в юности познав страх смерти, профессор вместо никотина будто саму жизнь жадно вдыхал взятяг. Вырос высоким красавцем, играл в баскетбол, много путешествовал, увлечённо учился всему подряд

– химии, физике, математике, литературе, истории... Коллекционировал марки, открытки, книги. Писал стихи и прозу, научные и журналистские статьи. Счастливо женился, вырастил сыновей. Завёл друзей по всему миру, влюблял в себя учениц и учеников. Встретил старость красиво, как не сбросивший листья, охваченный инеем клён встречает суровую зиму. Он был по-прежнему нестигаемо прям и крепок и носил не то кленовую крону, не то львиную гриву пушистых седых кудрей, делавших его похожим на умудрённого летами царя. Его не сломали ни раннее вдовство, ни утрата молодого ещё сына.

В силу возраста теперь Марк Наумович редко выходил из дома, но летом любил смотреть на прохожих с балкона, на посетителей «Перевала» и банка напротив. Похожий на капитана на мостике корабля, он взирал на бурлящую под его ногами, подобную океанским волнам городскую жизнь. «Как этот мир велик, – иногда думалось ему. – Жаль, что я не видел и тысячной его части!» Вот и сейчас Марк Наумович всматривался в людей, спешащих кто куда, и пытался угадать, кто из них окажется его гостем, журналистом Дмитрием Волковым. Вот этот толстяк в джинсовой куртке? Или тот атлет с кожаной папкой? А может быть, невзрачный лысоватый мужчинка, словно боящийся поднять взгляд от асфальта? Марк Наумович не сомневался, что узнает журналиста с первого взгляда, как только увидит его. Прожив длинную и полную событий жизнь, он сделал вывод, что нет в ней ничего случайного. Встречи и расставания predetermined заранее кем-то, если ты веришь в Бога, или чем-то, если ты доверяешь законам причинно-следственных связей.

И тут из кафе «Перевал», что напротив, через дорогу, вышел невысокий худощавый паренёк, с высоты второго этажа мощной «сталинки» он казался ещё меньше, чем был на самом деле. Марк Наумович наблюдал, как он нервно переминается с ноги на ногу, ожидая зелёного сигнала светофора, а потом не переходит, а перебегает проезжую часть. Профессор не стал ждать, когда Митя свернёт во двор дома, он больше не сомневался, что этот молодой мужчина, сохранивший в движениях ловкость боксёра в лёгком весе, и есть Дмитрий Волков. Марк Наумович направился в прихожую, чтобы без промедления ответить на звонок домофона.

* * *

Они сидели друг напротив друга в кабинете Познанского – великан-профессор и парнишка-журналист. Они уже обменялись ничего не значащими, но обязательными светскими любезностями, и теперь между ними образовалась завеса молчания. Марк Наумович по праву старшего решительно отдёргнул её.

– «Мы созданы из вещества того же, что наши сны. И сном окружена вся наша маленькая жизнь», – продекламировал он с улыбкой.

– Шекспир, – устало усмехнулся в ответ Митя. – «Буря». Эта фраза прозвучала как пароль, открывающий невидимые двери.

– Я расскажу вам о своей потере, Дима, а вы мне – о своей. Что с вами случилось, что вы, совсем молодой ещё человек, выглядите таким уставшим уже с утра и почему вам вдруг снятся такие сны?

– Не знаю, – Митька опустил голову и внимательно посмотрел на свои руки, на длинные тонкие пальцы человека, который никогда не знал тяжёлого физического труда, которого, казалось бы, обошли стороной все жизненные испытания. – Впрочем, я вру. Мой отец умер после тяжёлой болезни, от онкологии, как и ваш сын. Он был тренером по боксу. Видимо, я слишком часто думал о смерти в последнее время. И слишком много о ней читал: что чувствует человек после смерти, что с ним происходит, как представляют себе загробный мир разные народы и разные писатели, включая Шекспира, и всю эту прочую чушь.

Митька усмехнулся:

– Не знаю, Марк Наумович, зачем я рассказываю вам это. Это глупо, я знаю.

Профессор кивнул, и следующая его фраза потрясла своей простотой:

– Я очень вам сочувствую.

В промежутках между словами этой банальной фразы осталось: «Я знаю, как вам больно», «Я понимаю, что вы мучаетесь вопросом, достойны ли вы своего отца», «Я догадываюсь, что мир кажется вам бессмыслицей, хаосом».

– А я – сочувствую вам. – Митька внезапно испытал такое чувство, какое испытывают люди, наконец-то вышедшие на свежий воздух из душных больничных покоев. Он понял, что в беседе с профессором не понадобится лишних слов и все самое важное будет сказано без них.

И точно: Марк Наумович без всяких ненужных предисловий начал свой рассказ.

– Когда Михаил заболел, потребовались деньги на его лечение. Много денег. Он продал часть бизнеса, но наотрез отказался продавать остальное. Сын считал, что всё равно не выздоровеет, и хотел сохранить для моих внуков свои магазин и дом. Но я не мог просто смотреть на то, как Михаил угасает. Что нужно человеку, чтобы прожить счастливую жизнь, Дима? Ему нужна семья. Достойные предки и достойные наследники, всего лишь любовь – чудо, высшее и непонятное. Дед мой был краснодеревщиком. Вот этот шкаф он сделал своими руками. Подойдите к нему. Погладьте его по боку. Смелее! Не удивляйтесь моей просьбе.

Митя всё равно удивился: наследники, любовь, дед-краснодеревщик и вдруг зачем-то какой-то шкаф! Никакой логики. Профессор перепрыгивал с одной мысли на другую. Но всё же Митька подошёл к огромному, как сам Марк Наумович, шкафу и погладил стенку: шершавое, как кожа, дерево, казалось, хранило тепло.

– Сколько я живу на земле, столько я помню этот шкаф. Я залезал в него, когда был совсем маленьким мальчиком, и играл в прятки с моими братьями и сестрами. А в войну наши дальние родственники жили в США. И вот оттуда через знакомых, через целую сеть дружеских связей, они прислали нам дефицитную, редчайшую вещь – земляничное мыло, целую посылку земляничного мыла! Это было чудо, как манна небесная! Это была драгоценность это был клад! На мыло можно было выменять все что угодно, даже хлеб. Ящик хранился в шкафу, и запах вокруг стоял такой, что я надыхался им до одури. Я до сих пор ненавижу земляничное мыло: оно напоминает мне о войне. И хотя шкаф давно им не пахнет, я всё ещё чувствую эту земляничную напасть. Знаете ли вы, Дима, что такое provenance?

Журналист покачал головой, он не знал никаких языков, кроме русского, даже пары слов на ломаном английском ему было не произнести, не говоря уж о французском. Кроме того, он почему-то поёживался всякий раз, когда профессор называл его Димой. В устах Марка Наумовича это обыденное обращение звучало как-то неправильно, как-то не так, как хотелось бы самому Митьке. Он уже давно мог бы вернуться на своё место и сесть, но почему-то всё ещё продолжал гладить шкаф по боку, словно старого доброго слона.

– Provenance – это история какой-нибудь вещи: кем она была создана, кто ею владел вначале, кому она перешла по наследству или была подарена. Но, по сути, это история человеческих судеб, искусства или даже целого города или страны. Вот это – шкаф, а ведь он полон сюжетов. Набит ими под завязку. Знай, доставай по одному, отряхни от пыли – глядишь, кому-то ещё и сгодится!

Предки мои переехали сюда из Могилёвской губернии в тысяча девятьсот одиннадцатом году. Знаете, до революции семнадцатого евреи должны были иметь разрешения на жительство в той или иной части империи. У моего деда-краснодеревщика разрешения такого не было, и, пока оно оформлялось неспешно, степенно, раз в месяц надзиратель являлся к хозяину дома и спрашивал: «А не живёт ли у вас недозволенный еврей?» Визит назначался всегда на один и тот же день, всегда на один и тот же час, и деда заранее прятали в этот сделанный им самим платяной шкаф. Надзирателю подносили на тарелочке стопку с закуской, давали три рубля, и он твёрдо обещал, обращаясь к шкафу, «все проверить по закону снова через месяц». Хотите открыть дверцы? Послушайте, как они скрипят, ворчат что-то там себе под нос по-стариковски.

Сделайте милость, мой дорогой, откройте-закройте несколько раз: их звук – услада для моего слуха, потому что это песнь о прожитой жизни.

И профессор рассмеялся. И вместе с ним рассмеялся Митя. Он открыл дверцы и заглянул внутрь: в шкафу хранились какая-то одежда, книги, трости – разнообразные вещи, и каждая с provenance. «Интересно, сколько потребовалось бы вечеров, чтобы рассказать о них?» – подумалось Мите. Он закрыл и открыл шкаф несколько раз, как просил профессор, и действительно раздался не то скрип, не то песня, не то жалобное ворчанье.

– Спасибо, Дима! – поблагодарил Марк Наумович, и только теперь журналист вернулся на своё место напротив профессора, а тот продолжил свой рассказ.

– Когда-то в этом шкафу хранилась маленькая-маленькая шкатулочка, изящная вещица. По семейному преданию, моему деду заказал её один важный сановник из Санкт-Петербурга, приезжавший иногда погостить на лето в наш город, он был родом отсюда. Фамилию его я вам называть не буду, да и неважно уже это. Шкатулочку нужно было изготовить по меркам портсигара с клеймом Ивана Хлебникова, чтобы и подарочная коробочка соответствовала по красоте презенту. Сановник хотел подарить портсигар кому-то из великих князей. Знаете ли вы, кто такой Иван Хлебников?

И журналист снова покачал головой. Ему стало немножко стыдно, что он так мало знает, что он так необразован.

– Иван Хлебников был выходцем из купцов, жил в Москве, владел фабрикой «изделий золотых, серебряных, бриллиантовых», как говорилось в рекламе того времени. Дело своё развивал успешно, талантом обладал большим и потому заслужил право стать поставщиком императорского двора. Сам Иван Петрович умер ещё до начала XX века, но у него были наследники, которые продолжили его занятие. И тут грянула революция, не стало ни императорской фамилии, ни сановника, заказавшего шкатулку для портсигара, ни фабрики Хлебникова... По какому-то стечению обстоятельств – дед никогда не рассказывал подробностей – шкатулка с портсигаром осталась у нас в семье. Показывать кому-либо такие вещи в советское время было не очень-то безопасно, а болтать о них и вовсе не стоило, поэтому шкатулка с портсигаром лежали вот в этом самом шкафу и ждали своего часа.

И вот, когда сын заболел, я решил, что час настал. Пора их продать, чтобы были деньги на лечение. Я связался с художественной галереей в Питере, выслал им по электронной почте фотографии. Что там началось! Не прошло и десяти минут, как ушло электронное письмо, а мне уже звонили: ещё бы, такая ценность хранилась где-то в провинции все эти годы! Искусствовед, с которым я беседовал, спросил, есть ли у меня бронированные двери в квартире, надёжен ли мой сейф, – рассмеялся Марк Наумович. – Я ответил, что в жизни не ставил не то что бронированных, но и двойных дверей! Тогда искусствовед стал умолять отнести шкатулку в банковский сейф, пока он не придет взглянуть на портсигар сам, воочию. Однако Михаил восстал категорически против этой затеи! Сказал: «Я арендую сейф и положу туда на хранение шкатулку, но она останется в семье, моим наследникам!» И, знаете, в тот момент деньги на лечение нашлись как-то сами собой: друзья помогли, родные... Впрочем, деньги не спасают от судьбы, Дима, вы и сами это знаете. Сына не стало, пришло время моим внукам вступать в права наследства, и я вместе с ними отправился проверять банковский сейф, но... ни шкатулки, ни портсигара там не оказалось!

Митя вздрогнул от этой фразы, словно проснувшись.

– Не может быть! Куда они подевались?!

– Банк встал на уши. Сотрудница, пошедшая с нами к сейфу, побледнела белее молока и сразу же позвонила управляющему. Нас пригласили в его кабинет. Бедняга! Управляющий так плохо выглядел, что хоть скорую вызывай: слава богу, обошлось без инфаркта или инсульта. Это же провал всей карьеры. После таких скандалов всю жизнь прозябают бухгалтерами в какой-нибудь районной сберкассе. Он умолял нас не вызывать полицию, а попробовать сперва

провести расследование своими силами. Позвали начальника охраны, и тот предложил начать с простейшего шага: проверить хранилище забытых в банке вещей. И что бы вы думали, Дима! «Там, где хранится всё позабытое» – и нашлась шкатулка с портсигаром! Работница хранилища потом рассказала, что шкатулку случайно обнаружил кто-то из сотрудников банка на крышке сейфа. И никто не додумался заглянуть внутрь: сама коробочка была такой красивой и тяжёлой, резной из дуба, что все решили, что она-то и есть сама по себе ценность. Я потом долго думал, как шкатулка могла потеряться. Моя версия: Михаил тогда сильно страдал от головных болей и потому был рассеян, всё время что-то забывал, терял. Видимо, он на что-то отвлёкся в момент, когда убирал портсигар в сейф. Может, ему позвонил кто-то на сотовый, и тогда он забыл убрать шкатулку и закрыл сейф пустым.

И вдруг после этой фразы Марка Наумовича в кабинет вошла молодая симпатичная женщина.

– Доброе утро! Марк Наумович, а наш гость будет завтракать?

– Будет, Людочка. Обязательно будет. Познакомьтесь, Дима, это Людочка, моя помощница по дому. Люда, это – Дмитрий, журналист «Местной газеты», – представил Марк Наумович. – Люда у нас чудесно печёт блины с клубникой.

Из кухни доносились приглушённые звуки какой-то бодрой музыки по радио, там шипела сковородка, и в кабинет вкрадчиво вползал очень аппетитный аромат.

– Могу я кое о чём попросить вас, Марк Наумович? – спросил журналист, понимая, что рассказ о пропавшей шкатулке окончен.

– Конечно.

– Зовите меня, пожалуйста, Митя. Дима или Дмитрий – это для... – Митька запнулся, но слово нашлось само собой: – Это для чужих.

Марк Наумович улыбнулся и кивнул, и опять всё самое важное осталось в промежутках между слов. Как в хорошо выверенном журналистском материале, не было предусмотрено для этой истории с портсигаром и шкатулкой никакого особого финала, никакой морали или вывода, но, несмотря на эту вопиющую, возмутительную нелогичность, Митька наслаждался чаем, будто пил его первый раз в жизни, и блинчики с клубникой оказались действительно очень вкусными.

Марк Наумович рассказывал что-то ещё из своей юности, нарочито забавное, с намерением рассмешить Митю, который, по мнению профессора, был слишком не улыбочив для своих двадцати пяти лет. И наконец грянул дождь. Вертикальный поток, напоминающий скорее водопад, чем ливень, обрушился на город, смывая с него горячку жары и пыль усталости. Занавесь из небесной воды закрыла вид из окна, и в ней утонул «Перевал» через дорогу.

Митька и Марк Наумович любовались непогодой, пировали блинами с клубникой, напоминая о весне и радостях жизни, и будто не на кухне беседовали, а на пикнике, устроенном в месте слияния великих рек, земных и небесных. Постепенно стихла маршевая дробь капель, и вместе с ней стих разговор. И волны Стикса, волны Леты медленно отступили от неминуемого для каждого из нас перевала, за которым в один поток сливаются явь и сны, и остаётся там, где хранится всё позабытое, лишь grovepanse у некогда ценных вещей, лишь так и не раскрытые смыслы в общей прекрасной бессмыслице бытия.

Евфросиния Капустина

Евфросиния Капустина родилась в 1997 году в городе Ялуторовске Тюменской области. Студентка Санкт-Петербургского института культуры. Поэт, прозаик, переводчик сербской поэзии. Победитель конкурса «Новые голоса – 2017», международного фестиваля «Всемирный день поэзии – 2018», лауреат фестиваля «Русский Гофман – 2018». Автор книги «Проблески света».

Нас хватает. Выжить И даже жить...

* * *

Он рождается. Узнаёт со второго дня:
слишком маленький, чтобы слышать и что-то знать.
Дальше – больше: он слишком мал заводить щенят,
слишком маленький думать, если велела мать.

Не дорос пока заменять на серьёзный тон,
слишком маленький, чтоб за стыд говорить с отцом.
Он растёт из рубашек, обуви и пальто,
только маленький, чтоб девчонке дарить кольцо.

Он растёт, но никак не вырастет. К двадцати —
слишком мал ещё, чтобы ставить кому в пример.
Он встаёт из окопа, падает и летит —
слишком маленький, чтобы в жизни заметить смерть.

* * *

Нас хватает.
Выжить. И жить. На всё.
И на всех, конечно же,
даже кошек.
Всё, что в руки падает, мы несём.
Бог о нас заботится.
Он хороший.

Мы хотели строить —
и рубим лес.
Мы его не насмерть, а как у Крузо —
чтоб живое.
Долгое.
Чтоб воскрес
всякий, кто встречается с Иисусом.

Каждый шаг шагает за свой режим.
Обниматься в паузах.
Это мило.
Нас хватает.
Выжить. И даже жить.

Помолись, чтоб надолго.
Чтоб хватило.

* * *

Мальчик глотает косточки, слопал их полгорсти:
«Яблоньки, сливы, вишенки будут во мне расти».
Щедро запил водицею – будет фруктовый сад,
Коник – сухая палочка скачет за палисад.

Мальчик в рубашке новенькой чинно заходит в класс,
Учит уроки затемно. Холодно. Свет погас.
Сад прорастает медленно. Только бы не простыл —
Чаще молчащий, Ванечка кажется всем простым.

Спят по тетрадам веточки будущих птичьих гнёзд.
Маме тревожно: «Сынушка, это же не всерьёз?»
Ваня смущённо супится, прячет в карман эскиз.
Папа всё шутит: «Полноте! Было б... Чего закис?»

Мальчик глотает озеро – хочет вместить весь мир.
Время шуршит колёсами. Сел как влитой мундир.
Плачут в доме родители, ждут за письмом письма.
Пенною брагой вишенья льётся в окно весна.

Где-то в степной окраине вырос фруктовый сад.
Дома молчат – мальчишечка тот не пришёл назад.
Сад по весне невестится, осенью жжёт костры —
Мальчик, глотавший косточки, не был таким простым.

* * *

Маленьким думал:
«Вырасту – спать не буду».
Очень хотел сидеть за столом со всеми.
Юным – уже сонливей,
но всё про удаль:
песни, костры, гитары, велосипеды.

Несколько лет. Ну, вырос.
Большой, как надо.
Хочется спать сильнее, до всех дисфункций.
...Только теперь, мне кажется,
я отгадан:
вырасти – это значит хотеть проснуться.

* * *

По-апостольски просто,
По-мальчишьи боясь,
Шла за мной по погосту
Граченогая грязь.

И, крещато касаясь,
Красноталых ветвей
Я подслушивал завязь,
Воскресал и мертвел.

Прорастало пространство
В изболевшийся снег —
Предвесенствуй и странствуй,
Скрип шагов и телег.

...Март шумит на задворках,
Раскустившийся вволю.
Распускается колко
Предпасхальная боль...

* * *

Кате читали Пушкина. Сказки смеялись папиным.
Катя просила заново. Катя просила все.
В эту весну, как водится, Катины щёчки в крапинку.
Папу куда-то вызвали. Носит дрова сосед.

Катя читает Пушкина. Строчки смеются папиным.
Буквы трясутся папиным, прыгают в жёлтый лист.
Папа играет с пушками. Катя скребёт царапины.
Катя рисует длинное: «Папа – артиллерист».

Папу рисует с пушками. Думает, что для Пушкина.
Мама молчит стеклянная, смотрит сквозь дочкин лоб.
Катю кладут у бабушки. В доме огни притушены.
Мама качает шарфики, хочет идти в окоп.

Катя читает Пушкина. Сказки молчат и хмурятся.
Кто-то походкой папиной Катю ведёт гулять.
Кате качели хочется. Зубится ствольным улица.
Катя летит над пушками. Кате сегодня пять.

* * *

Деревья, красуясь, смотрели в озёрную воду —
В зеркальную гладь, отражавшую каждый листок.
Природа бежала навстречу не новому году,
Как реки смыкают извечные устье – исток.

А небо светилось. Смотрело на серые ливни,
На буйство цветенья, осенне-дорожную грязь.
Хотелось и мне стать немного, хоть малость, наивней —
Чтоб часть его света и в душу мою пролилась.

И я примерял – все пространства, эпохи и лица,
Но всё мне не впору, как будто с чужого плеча.
А время бежало, стремясь в направлении «тридцать»;
И каждый февраль на столе загоралась свеча.

Дороги, скрестившись, давили на острые плечи,
Ладони ловили рассветы грядущего дня,
Но каждой весной небо делало шаг мне навстречу
И, падая в озеро, краем задело меня.

Николай Коляда

Николай Коляда родился в 1957 году в селе Пресногорьковка Ленинского района Кустанайской области Казахской ССР. Учился в Свердловском театральном училище, Литературном институте. Служил в армии. Преподаёт в Екатеринбургском государственном театральном институте. Больше десяти лет возглавлял журнал «Урал». Создатель «Коляда-театра».

Драматург, режиссёр, актёр. Живёт в Екатеринбурге.

Масакра

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДАРЬЯ – 40 лет

АНДРЕЙ -30 лет

В свадебном салоне на улице Луначарского, поздно вечером.

Свадебный салон на улице Луначарского. Просторный. Светлый.

Света много ещё и оттого, наверное, что весь салон заставлен манекенами с белоснежными свадебными платьями. Всё блестит фальшивыми китайскими бриллиантами.

В центре магазина стоит несколько «челночных» мешков, клетчатых.

Мешки под завязку забиты платьями, костюмами.

Среди мешков – стул, на стуле сидит ДАША.

Она в свадебном платье, на голове у неё корона с дешёвыми камешками. Даша сидит нога на ногу. Курит, пепел на пол стряхивает.

Напротив Даши стоит АНДРЕЙ.

Он в какой-то мешковатой грязной куртке из кожзаменителя, в стоптанных башимаках, в мятой кепке на голове.

Поздний вечер.

На улице время от времени, грохоча и позвякивая, пробегают запоздалые трамваи, блещут в свете уличных фонарей. Там тополя на улице – они качаются от ветра и роняют на асфальт большие жёлтые листья.

Даша и Андрей долго молчат.

ДАРЬЯ (вдруг). А вы говорите: «Мелкая речка Урал!», Василий Иванович...

АНДРЕЙ. Что?

ДАРЬЯ. Ничего.

АНДРЕЙ. Целовать курящую женщину – всё равно что лизать пепельницу.

ДАРЬЯ. Ну?

АНДРЕЙ. Сказал Горький.

ДАРЬЯ. Ну не ты же, ясен перец.

АНДРЕЙ. Признаюсь, не я. Горький сказал: «Целовать курящую женщину – всё равно что лизать пепельницу!» Понимаешь?

ДАРЬЯ. Ну целовал же. Лизал же.

АНДРЕЙ. Повторяю: «Целовать курящую женщину – всё равно что лизать пепельницу!»

А ты, Дашенька, куришь!

ДАРЬЯ. И что мне теперь: обосраться и не жить?

АНДРЕЙ. Фу!

ДАРЬЯ. Фу-фу.

АНДРЕЙ. Так вот, что касемо этого дела... Я не виноват ни в чём. Ты сама всё сделала, Дашенька.

ДАРЬЯ. Конечно.

АНДРЕЙ. А кто ещё?

ДАРЬЯ. Никто.

АНДРЕЙ. Сама. Сама!

ДАРЬЯ. Папин бродяга. Мамин миляга.

АНДРЕЙ. Прекращай уже!

ДАРЬЯ. Я давно прекратила. А ты что так одет? Ты что как на Северный полюс собрался?

АНДРЕЙ. Я всегда так ходил, в такой одежде, Дашенька.

ДАРЬЯ. Что, правда? Какой-то бурдюк, зимогор просто, бомжара. А почему я не замечала? Это же ужас.

АНДРЕЙ. Ты давай только без фанатизма. Не знаю, куда ты смотрела. Не на меня, наверное.

ДАРЬЯ. Чего?

АНДРЕЙ. Того. Ну так вот. Что касаето этого дела... Дак что ты мне звонила, зачем вызывала?

ДАРЬЯ. Я разве тебе звонила? Ты разве не сам приехал?

АНДРЕЙ. Ты звонила. Посмотри в свой телефон, в исходящие, Дашенька.

ДАРЬЯ. Нету телефона. Продала его. Тоже.

АНДРЕЙ. Ты звонила! Так вот, что касаето этого дела, по которому я пришел сюда... Дашенька, я же сказал тебе, что я тебя больше не люблю.

ДАРЬЯ. Ну.

АНДРЕЙ. Ну, любил раньше. Разлюбил теперь. Ну, это же нормально, нет?

ДАРЬЯ. Ну?

АНДРЕЙ. Любил – разлюбил. Раньше любил, а теперь – разлюбил. Теперь – разлюбил. Но ведь когда-то же – любил! И поэтому давай разойдёмся мирно. Понимаешь?

ДАРЬЯ. А вы говорите: «Мелкая речка Урал!», Василий Иванович.

АНДРЕЙ. Ну хватит уже, Дашенька. Не смешно.

ДАРЬЯ. А мне смешно. Какая же я дура. Масакра полная. Знаешь, что это такое? Это когда полный финиш. Нет перевода на русский. Резня, конец, финиш, трындец, пропасть, провал, жость, адище, капец, блин. Ну, и еще...

АНДРЕЙ. Хватит.

ДАРЬЯ. Дай договорить!

АНДРЕЙ. Я уже понял. Хватит! К чему ты про это, Дашенька?

ДАРЬЯ. А я и не знаю. Начала говорить и забыла: зачем я это говорила? Не знаю. Ничего не знаю. Знаю только, что полная масакра в моей жизни наступила.

АНДРЕЙ. Я просил: без фанатизма.

Даша встала.

Идет к манекенам, проводит пальцем по платьям.

Идёт, теребит юбки, трогает манекены.

ДАРЬЯ. Слушайте, девки, а! Вы замуж собрались, а? Не надо, пожалуйста. Вы слышите, нет? Нет, не меня, а его – вы слышали то, что он сказал? Он любил, но теперь – разлюбил. Понимаете?

АНДРЕЙ. С кем ты разговариваешь?

ДАРЬЯ. С невестами.

АНДРЕЙ. К чему это? Прекращай этот спектакль, Дашенька.

ДАРЬЯ. Нет, вы слышали? Он любил, но теперь разлюбил. Андрюшенька, дорогой! Ну, тогда верни мне все мои игрушки, раз мы с тобой расстаемся, а? Поиграли и верни, а? Я уйду из твоей песочницы, отдай мне мои игрушки!

АНДРЕЙ. Ну я же просил без фанатизма! Что еще?

ДАРЬЯ. Забирай свои игрушки, отдавай мне мой совок! Не хочу с тобой, подружка, здесь играть! Тут мой песок!

АНДРЕЙ. Ты что, чокнулась, Дашенька?

ДАРЬЯ. Нет, там, тогда, в детстве, мы не так говорили! Там было не так! А вот как было: «Ты мне больше не подружка, ты мне больше не дружок, не играй в мои игрушки и не пидай в мой горшок! Мама купит мне козу, я тебе не покажу! А козу зовут Маруся, я сама её боюсь!»

АНДРЕЙ. Ну всё, я пошёл. И зачем вот ехал? Про козу слушать?

ДАРЬЯ. Стой.

АНДРЕЙ. Что, Дашенька? Что касемо этого дела, я тебе скажу... Дашенька, мы прожили с тобой год, у меня были проблемы с бизнесом. Но ты – спасибо тебе! – выручила, подарила мне машину, я её продал, и всё!

ДАРЬЯ. Что – всё?

АНДРЕЙ. Всё теперь хорошо!

ДАРЬЯ. А ещё я переписала на тебя квартиру, и ты её тоже продал.

АНДРЕЙ. Ну да, правда.

ДАРЬЯ. Я теперь снимаю комнатёшку в коммуналке. А ещё я отдала тебе все мои деньги, все накопления. А ещё я взяла бешеные кредиты, и теперь я закрываю мой свадебный салон, мой бизнес, который я десять лет назад создала с нуля. Закрываю потому, что мне нечем платить за аренду. Я даже телефон продала. У меня нет ничего. Нуль.

АНДРЕЙ. Ну да. Это правда.

ДАРЬЯ. Правда?

АНДРЕЙ. Ну, я же не просил тебя, ты сама это сделала, Дашенька.

МОЛЧАНИЕ.

ДАРЬЯ. Правильно. Потому что, едва мы с тобой познакомились, началось что-то странное. Когда у тебя кончились деньги на цветы для меня и на рестораны, ты начал плакать по ночам. Наверное – да нет, не наверное, а конечно! – не плакал, а играл! Играл, эдак, отвернувшись ночью к стенке, всхлипывал и будил меня, а я, добрая душа, просыпалась в ужасе и спрашивала: «Андрюша, что с тобой, что случилось?!»

АНДРЕЙ. Не так, Дашенька. Не передёргивай. Зачем ты всё время передёргиваешь, Дашенька? Ты проснулась тогда, в первый раз, и сказала: «Что такое? Ты плачешь?» Так ты сказала. Я очень хорошо это запомнил. Потому что я тогда – любил тебя. Такое не забывается. Но теперь я тебя – разлюбил.

ДАРЬЯ. Ну да. И ты сказал мне: «Да я так!» И потом продолжал эту пытку неделю. А потом стал жаловаться. Да так искренне, с такой слезой стал рассказывать, что тебе не хочется жить, что ты встретил наконец человека – нет! – главного человека в своей жизни, свою половинку, ради которой ты жил до сорока лет, встретил, и вот-надо уйти из жизни, покончить жизнь самоубийством! Потому что – потому что! – у тебя нет сил, ты загнан в угол проблемами с бизнесом. Так?

АНДРЕЙ. Так.

ДАРЬЯ. И ты стал обсуждать со мной, как тебе уйти из жизни: купить пистолет, выпить яду или прыгнуть с десятого этажа. Так?

АНДРЕЙ. Ну хватит.

ДАРЬЯ. Да, дорогой. Я вот сейчас рассказываю и сама не верю, что я повторяю эти слова, а точнее, не верю, что я могла на это клянуть и купиться на чушь, которую произносил твой поганый рот.

АНДРЕЙ. Я бы попросил...

ДАРЬЯ. Я вот тоже – попрошу: заткни своё хлебалово, а? Как я могла поверить? Как? И как я могла отдать тебе всё, как?

АНДРЕЙ. Я не просил, Дашенька.

ДАРЬЯ. Ты не просил. Нет, ты не просил! Но ты знал психологию одинокой бабы, которая тоже подумала, что наконец-то нашла своего суженого-ряженого. И вот вдруг эта баба видит, что у её любимого – проблемы. А проблема в каких-то бумажках, напечатанных в Гознаке. «Да к чёрту эти бумажки, – говорит она, – к чёрту, ради единственной и прекрасной любви!» К чёрту! «На, забери!» – сказала я и отдала тебе всё!

АНДРЕЙ. Повторяю: я не просил. Ты сама.

ДАРЬЯ. Вы посмотрите на него: настоящий полковник, а! Ну как я могла, как?! Ну, он загнипотизировал меня, наверное, да? Иначе это ничем, ничем и никак не объяснить.

АНДРЕЙ. Дашенька, ты не обижайся на правду, но я её тебе скажу.

ДАРЬЯ. Правду ты мне скажешь?

АНДРЕЙ. Да. Что касается этого дела... Ты любила меня и потому так поступила. Всё ты правильно сделала, Дашенька, моя миленькая. Ты любила. А любовь – это поступки.

ДАРЬЯ. Тварь, тварь, не разговаривай со мной статусами из «Контакта», не цитируй интернет, придурок, а!

АНДРЕЙ. Нет, Дашенька. Это слова, которые пришли мне в голову вместе с моим житейским опытом.

ДАРЬЯ. С житейским опытом? Ну да. Я же не одна такая была, для которой ты плакал ночами и говорил, что вот – проблемы с бизнесом, помоги, потому что любовь- это поступки, да? Ну, не одна ведь, как выяснилось?

АНДРЕЙ. Нет. Не одна. Понимаешь, Дашенька, любовь способна со дна океана...

ДАРЬЯ. Да не барай мне мозги!

АНДРЕЙ. Я не бараю. Я делюсь с тобой моим житейским опытом. Пойми: «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне...»

ДАРЬЯ. Я сказала: заткни хлебалово, ну!

АНДРЕЙ. Нет, я договорю! «Любовью дорожить умеете! С годами дорожить вдвойне! Любовь не вздохи на скамейке! И не прогулки при луне! Все будет: слякоть и пороша. Ведь вместе надо жизнь прожить! Любовь с хорошей песней схожа, а песню не легко сложить».

МОЛЧАНИЕ.

Вот так, Дашенька.

ДАРЬЯ. Что?!

АНДРЕЙ. И еще, Дашенька, должен тебе сказать: «Любить – это значит: вглубь двора вбежать и до ночи грачьею, блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи. Любить – это с простыней, бессонницей рваных, срываться, ревнуя к Копернику, его, а не мужа Марьи Ивановны, считая своим соперником...»

ДАРЬЯ. Что?!

АНДРЕЙ. «Нам любовь не рай да куши, нам любовь гудит про то, что опять в работу пущен сердца выставший мотор...»

МОЛЧАНИЕ.

ДАРЬЯ. Да что это такое, мне кто-то объяснит?! АНДРЕЙ. Я ведь могу и добавить к тому, что я сказал, следующее...

ДАРЬЯ. Ну кто-нибудь, эй, девочки, заткните ему фонтан, а! Слушай, ты! Я ведь недавно узнала, что у тебя есть жена и двое детей, и, мало того, у тебя есть еще одна дура, такая же, как я, – в любовницах! И поразительно, что они сговорились, созвонились и обе пришли ко мне неделю назад. Вот тут они стояли! На этом самом месте, где ты сейчас стоишь. Понимаешь?

АНДРЕЙ. Я знаю.

ДАРЬЯ. Ну вот, вот! Они стояли, их жалко было, но почему вот ты на этом самом месте стоишь и не провалишься, а?! Почему в тартарары не уйдешь, а?

АНДРЕЙ. С чего я должен уходить?

ДАРЬЯ. Девушки твои покопались в твоём телефоне и нашли друг друга. А потом и меня. Не знаю, может, и еще кого нашли бы, если бы покопались дальше. Да я уверена, что нашли бы, я не думаю, что нас только трое, нас больше...

АНДРЕЙ. Нет, вас только трое. Всего лишь.

ДАРЬЯ. Вот, они пришли и потребовали – каждая! – отдать тебя им.

АНДРЕЙ. И что ты им сказала?

ДАРЬЯ. «Берите, намазывайте на хлеб, жуйте!» – я им сказала.

АНДРЕЙ. Как грубо.

ДАРЬЯ. Слушай, ты понимаешь, что ты тварь и подонок, негодяй и аферист, ты осознаешь это или тебе кажется, что всё нормально?!

АНДРЕЙ. Мне кажется, что всё нормально. Пойми, Дашенька: всякий от своего меча и погибнет. Очень мудрая поговорка. И, потом, запомни на будущее: все мужчины полигамны. (Пауза.) А женщины – моногамны.

ДАРЬЯ. Что?!

АНДРЕЙ. Ты не поймёшь.

ДАРЬЯ. Ну конечно, я же дура!

АНДРЕЙ. Это ты сказала, не я. Знаете что? Говорите, что хотите, а у меня свой путь.

ДАРЬЯ. Это что, опять статус из контакта?

АНДРЕЙ. Короче. Я извиняюсь, но мне надо идти.

ДАРЬЯ. Да кончай ты тут камасутриться! Йок уже всё, йок, понимаешь?! Ты не человек, а сундук сказок! Хватит! Ты в глаза, в глаза мне посмотри, ты можешь в глаза мне посмотреть?

АНДРЕЙ. А я и смотрю, Дашенька.

ДАРЬЯ. А я и вижу, что ты смотришь и тебе хоть бы что.

АНДРЕЙ. Ну хватит орать. Что ты разоралась? Дом жилой, соседей сверху разбудишь! Заткнись! Помолчи! Рот будешь открывать у стоматолога!

ДАРЬЯ. Чего?

МОЛЧАНИЕ.

АНДРЕЙ. Ну извини, ты меня рассердила. Очень рассердила. (Пауза.) Дашенька, а что у тебя тут, в мешках?

ДАРЬЯ. А тебе что?

АНДРЕЙ. Мне просто интересно, вот и всё, Дашенька.

МОЛЧАНИЕ.

ДАРЬЯ. Андрюшенька, дак салон мой закрывается. Выношу платья все на помойку. Мне приказано завтра съехать, потому что полгода не плачено за аренду.

АНДРЕЙ. Ну а почему сразу на помойку? Такие красивые платья... Может быть, нужно предпринять что-то другое?

ДАРЬЯ. Если в публичном доме дела идут плохо, то не кровати переставляют, а прости-туток меняют.

АНДРЕЙ. Что ты говоришь?

ДАРЬЯ. Ничего. А что ты посоветуешь мне сделать, милый?

АНДРЕЙ. Ну, продать кому-то это можно, нет?

ДАРЬЯ. А кому это турецкое говно с фальшивыми бриллиантами нужно?

АНДРЕЙ. Китайское, скорее. Это, конечно, беда и для России, и для всех нас на земле. Сейчас весь мир одевается в китайское...

ДАРЬЯ. Ну, турецкое, ну, китайское – куда его девать? В церковь бедным не отнесешь, в детский дом, в тюрьму тоже не надо. Что мне, сдать в бедные семьи свадебные платья, подарить им – в качестве издевки? Чтобы они платьями этим укрывались на ночь, что ли?

АНДРЕЙ. Ну, в театр в какой-нибудь отдай или продай.

ДАРЬЯ. В какой театр?

АНДРЕЙ. Ну, отдай в какой-нибудь драматический или музыкальный театр. В любительский, может быть. Можно им просто подарить, в качестве жеста доброй воли...

ДАРЬЯ. Я ненавижу театр. И что, я еще им жизнь буду улучшать моими платьями? Пусть сдохнут, играя. Насмотрелась я на театр в жизни. А ещё и не в жизни спектакли смотреть – стошнит.

МОЛЧАНИЕ.

А хочешь, могу тебе подарить пару мешков? Сколько в твою машину влезет? Ты ведь на машине?

АНДРЕЙ. Ну да, я на машине. Если ты серьезно, Дашенька, то мешка два я могу взять. Но я не обещаю, что я выручу деньги за них. Просто, в качестве подарка – я могу взять. Я даже не представляю, зачем. Но могу. Наверное, пригодятся в жизни?

ДАРЬЯ. Да, конечно, пригодятся! Возьми ради Христа! Чтоб уж было точно как в том анекдоте!

АНДРЕЙ. В каком это?

ДАРЬЯ. Ну, про алкаша. Не знаешь?

АНДРЕЙ. Я не любитель анекдотов.

ДАРЬЯ. А я любитель. Послушай. Поймал алкаш золотую рыбку. Первое желание у него было: «Рыбка, сделай так, чтобы речка стала водкой!» Рыбка сделала. Второе желание у него было: «Рыбка, сделай океан водкой!» Рыбка сделала и ждёт третье желание. Алкаш думал, думал, чесал репу, чесал. Ну нет у него желания больше! Говорит: «Ну, знаешь что, золотая рыбка, ну – поставь еще бутылку водки!»

МОЛЧАНИЕ.

АНДРЕЙ. Всё? Что-то не смешно.

ДАРЬЯ. Странно. А ведь похоже на тебя.

АНДРЕЙ. Слушай, ну хватит, а? Чморит и чморит меня. Что я тебе такого сделал? Ну, раз ты это всё равно выкидываешь, тебе же тогда, означает, всё равно – на помойку выкинуть или я себе возьму пару мешочков. Ну, вынеси на помойку, а я подъеду и заберу пару мешочков. Так лучше будет? Ну не всё ли равно? Ты сейчас на помойку понесёшь? Я могу помочь. Все эти мешки выносить? Или пару мешков вынести?

ДАРЬЯ. Я сама вынесу на помойку. А ты забирай вот эти или эти – да хоть все. Забирай уже. Все забирай.

Андрей подошёл к мешкам, роется.

АНДРЕЙ. Дашенька, а тут мужского ничего нет? Тут платья, перчатки, фата... О, трусики даже кружевные есть, беленькие... Какие симпатичные. Я возьму парочку, да? Я даже и не знал, что невестам полагается особое какое-то нижнее белье... Трусики, лифчики, ты посмотри, какие симпатичные... Белые, ажурные, тоже возьму... А что, и мужикам какие-то особые трусы полагаются на свадьбу? Смешно. А тут что?

ДАРЬЯ. Трусы мужские тут. С надписями.

АНДРЕЙ. С какими надписями?

ДАРЬЯ. Ну, с прикольными, юморными. Свадебные мужские трусы.

АНДРЕЙ. Не понимаю.

ДАРЬЯ. Ну, на них написаны страшно смешные слова: «Верен жене», «Налево запрещено», «Интим не предлагать, есть хозяйка», «Корень жизни», «Мальчик занят», «У нашего Виталия здесь важнейшие детали», ну и прочее...

АНДРЕЙ. Что, серьезно? Господи, сколько пошлости в русском народе появилось... Откуда это, не понимаю! Зачем это? Это где? В этом мешке?

ДАРЬЯ. В этом. Бери. Кушай, мамочка, опилки, я начальник лесопилки.

АНДРЕЙ. Можно забрать?

ДАРЬЯ. Ну конечно, забирай. Прощальный подарок.

АНДРЕЙ. Перестань так трагично.

Андрей роется в мешках, Даша смотрит на него. Молчат.

ДАРЬЯ. Ну а бизнес-то твой выправился или нет? А-а, я и забыла. Мне же бабы твои рассказали, что и не было никогда у тебя никакого бизнеса. Просто аферистничал и наворованное нёс в семью.

АНДРЕЙ. Я ни у кого ничего не воровал, Дашенька. Я у тебя что-то украл? Ты сама всё отдала. Вот сейчас, Дашенька, вот только что, ну посмотри правде в глаза: ты ведь отдаёшь мне вот эти трусики, лифчики, мужские трусы, ты сама отдаёшь, согласишься? И запомни эту минуту. А то ведь потом будешь говорить, что я что-то у тебя выкрал. Ну? Дашенька, мне двух детей воспитывать надо, мне очень сложно живётся.

ДАРЬЯ. А ты не пробовал поработать где-нибудь, Андрюша? Ну, куда-нибудь на какую-нибудь нормальную работу устроиться не пробовал? И просто вот так вот, тупо, изо дня в день вкалывать и зарабатывать деньги? Нет, не было желания такого никогда?

АНДРЕЙ. А какой смысл, Дашенька? А зачем мне? Деньги сами собой как-то появлялись всегда. Дашенька, я красивый. А это тоже товар. Я им и торгую.

ДАРЬЯ. Кто красивый?

АНДРЕЙ. Я.

ДАРЬЯ. Кто это тебе сказал?

АНДРЕЙ. Все говорят. И ты говорила.

ДАРЬЯ. Да?

АНДРЕЙ. Да. Потом, второе: я очень сексуальный. Это тоже мне все говорят и говорили тоже раньше. Я хорош в постели. Ну, ведь так? Прости за цинизм, ты снова скажешь, что это статус «В контакте», но за всё, за всё, за всё, Дашенька, в жизни надо платить.

ДАРЬЯ. Ты прав. Ты ведь меня на десять лет моложе. А я уже – с ярмарки еду и рада, что хоть кому-то поглянулась.

АНДРЕЙ. Ну хватит.

ДАРЬЯ. Повелась, что сказать! Красавец, вдовец – как ты сказал. Вот я и повелась. И влюбилась. Я ведь на первой встрече с тобой заметила на руке у тебя след от обручального

кольца и спросила: «Что это?» И ты сразу, как-то так сходу, заплакал, у тебя слезы как фонтаном полились, просто вот брызнули. Где тебя так научили? Ты заплакал и сказал, что жена твоя умерла и что ты вдовец. В расцвете сил умерла, ты сказал. Цветок мой увял, сказал. Господи, вот ведь правду говорят, что баба любит ушами. «Цветок увял!» – что может быть пошлее и гадче? Адище, масакра просто! А я и растаяла. Ну вот как так? Я ведь этих аферистов за километр всю жизнь чувствую, как я могла поверить?

МОЛЧАНИЕ.

Знаешь, почему поверила?

АНДРЕЙ. Дашенька, хватит. А что в этих мешках?

ДАРЬЯ. Ищи. Ройся. Что найдешь – всё твоё. Знаешь, почему поверила? Говорят, что дьявол – в деталях. Ну, вот я и увидела, что у тебя на пиджаке пуговица болтается на одной ниточке. И вот я, дура, от этой пуговицы с ума будто сошла. Подумала: бедный, какой бедный, какой несчастный, пуговку ему пришить некому! И всё, потекла, растаяла. Из-за пуговицы, это ж надо же, а?! Ну, а потом уж покатилося: столько ты мне врал, столько, а я всё верила. Сознание затуманилось просто. А ещё ты любил сесть со мной на кухне, хряпнуть рюмку коньяка и сразу начинал плакать.

АНДРЕЙ. Дашенька, ну, что же делать? Я не знаю. Может, у меня какая-то болезнь?

ДАРЬЯ. Какая у тебя болезнь?

АНДРЕЙ. Ну, аллергия на коньяк.

ДАРЬЯ. Да нет. Ты просто выучил, что карта слезу любит.

АНДРЕЙ. Что касаемо этого дела... Знаешь, я с детства, как только выпью коньяк, у меня сразу слезы бегут. Ну, не с детства, а с юности, так сказать. Я даже и не знаю – отчего. От вина не плачу, от водки тоже. А вот от коньяка... Как-то так близко слёзы от коньяка. Дашенька, у меня очень нелёгкая жизнь. Нет, это не аллергия. Мне крайне трудно. Вот эти трусы я себе заберу, ладно? Они на мне будут очень хорошо смотреться, скажи? Я буду как этот... ну как его?...

ДАРЬЯ. Плейбой.

АНДРЕЙ. Во-во, плебей, то есть плейбой. Ну, как правильно? Как ты сказала?

ДАРЬЯ. Да хоть как. Плейбой, плебей – какая разница?

АНДРЕЙ. В жизни очень важно найти основу – свою половинку. Надо стремиться к тому, чтобы её найти.

ДАРЬЯ. Да. Правильно. Вот этими статусами из «Контакта» ты меня и соблазнил. Это сейчас я вдруг вижу, как оно пошло, а тогда я думала: какой образованный, какой умный.

АНДРЕЙ. Ну, я и вправду достаточно образован...

ДАРЬЯ. Ну да. Три класса и школьный коридор – твоё образование. Ты просто дурак. Глупый дурак. Красивый, но дурак просто набитый. Альфонсыра поганая.

АНДРЕЙ. Слушай, Дашенька, ну я, правда, всё вложил в дело, всё, что ты мне дала. В смысле деньги. Я начал новое дело. А что касаемо этого дела... Да, ты права. Я никогда не работал. Но вот решил заняться этим.

ДАРЬЯ. Чем?

АНДРЕЙ. Работой.

ДАРЬЯ. Ну, и что?

АНДРЕЙ. Ну и вот, вложил.

ДАРЬЯ. Да? Или я глухая, или лыжи не едут...

АНДРЕЙ. Я вложил всё в новое дело...

ДАРЬЯ. Эскаваторы продаёшь?

АНДРЕЙ. Ну, почти. Кастрюли алюминиевые. Тут один завод в области их производит. Хорошие такие кастрюли. Там директриса... Ну, неважно. Я ведь не знал, как это делается, и потому у меня что-то немножко не получается.

ДАРЬЯ. Какие к чёрту кастрюли?

АНДРЕЙ. И что касается этого дела... Я не смогу тебе всё вернуть. Слушай, ты меня тоже пойми, войди в моё положение. У меня дети, семья, две девочки, точнее, мальчик и девочка. Их на ноги надо поднимать, у тебя детей нет, и тебе не понять этого... Нет, тебе никогда не понять, что значит отцовство, материнство...

ДАРЬЯ. Да – кто? Две девочки или мальчик и девочка?

АНДРЕЙ. Ну какая тебе разница?

ДАРЬЯ. Ага, оговорочка. То есть тут – две девочки, а где-то есть ещё девочка и мальчик. То есть кроме тех девочек, как твоя жена говорила, двух крошечек, где-то ещё полк, отряд целый деток, ждущих от папы ням-ням.

АНДРЕЙ. Слушай, Дашенька, ну какая разница?! Девочка, мальчик. Мальчик, девочка. Ну, не имеет это значения. Пойми! Дети – цветы жизни. Дети – цветы на асфальте, понимаешь?

ДАРЬЯ. Понимаю. Да, кстати, совсем забыла. Я ведь беременна. Я не говорила тебе? Черт, выскочило из головы.

АНДРЕЙ. То есть как?

ДАРЬЯ. Ну, так. Не святым же духом.

АНДРЕЙ. Ну, знаешь, это уже слишком, и я к этому не имею отношения.

ДАРЬЯ. А кто к этому имеет отношение?

АНДРЕЙ. Ну, не знаю, с кем ты спишь или спала.

ДАРЬЯ. Да ни с кем, Андрюшенька. С кем я могла спать, кроме тебя? Я старая перхоть, кому я была нужна и кому я буду нужна?

АНДРЕЙ. Дашенька, я не знаю ничего. Я тут ни при чём. Я не знаю твою другую жизнь, вообще не знаю – что ты там делаешь или делала, когда я ушёл от тебя... То есть ты слишком доступная, Дашенька.

ДАРЬЯ. Как это?

АНДРЕЙ. Ну, так это. Мы тогда, полгода назад, в баре, когда познакомились, в первый вечер, в самый первый – помнишь? И ты меня сразу же утащила в постель к себе. Ты не помнишь? А я помню очень хорошо это, Дашенька, дорогая.

ДАРЬЯ. Я доступная? Я доступная?

АНДРЕЙ. Доступная, Дашенька.

ДАРЬЯ. Да я тогда влюбилась в тебя, идиот, в одно мгновение влюбилась!

АНДРЕЙ. Любовь движет сердцами миллионов, но не забывай, что она может бросить тебя в любой момент в грязь.

ДАРЬЯ. Что ты молотишь, ты, мой ласковый и нежный бред?!

АНДРЕЙ. А что касается этого дела... Я думаю, Дашенька, тебе надо сделать аборт. Пока не поздно. Ну, Дашенька, согласись, что ты не сможешь воспитать одного достойного гражданина нашей родины, России. У тебя нет к этому средств. Да и ты плохая мать будешь, я это чувствую. Ты слишком рассеянна...

ДАРЬЯ. Нет, доверчива.

АНДРЕЙ. Нет, ты рассеянна. Ты живёшь мгновениями, быстро вспыхиваешь, а потом так же быстро гаснешь... Тебе надо сделать аборт. Мой тебе совет. Денег на эту операцию я тебе, к сожалению, дать не смогу, как ты понимаешь...

ДАРЬЯ. Понимаю. С тобой ни своровать, ни покараулить.

АНДРЕЙ. Что? Да. Вот. Так что, Дашенька, выкручивайся сама. Знаешь что? Я вот тот костюм примерю, можно? Ты ведь и мужские костюмы будешь выкидывать на помойку? А это мой размер как раз. Я же вижу. Я примерю, да?

ДАРЬЯ. Примерь, конечно.

АНДРЕЙ. Слушай, Дашенька, я только сейчас заметил...

ДАРЬЯ. Что?

АНДРЕЙ. Ты почему так одета? Ты для чего вырядилась в свадебное платье?

МОЛЧАНИЕ.

ДАРЬЯ. Как странно: я смотрю на тебя и вдруг только через какое-то время вижу, что ты не так одет. А потом ты смотришь на меня и только через какое-то время спрашиваешь: «А почему ты так одета?» Знаешь, что это значит?

АНДРЕЙ. Что?

ДАРЬЯ. Что мы друг друга вообще не видим. А только себя видим.

АНДРЕЙ. Ну, ты без фанатизма давай. Почему ты так одета, спрашиваю?

ДАРЬЯ. Должна же я себя невестой почувствовать хоть раз в жизни.

АНДРЕЙ. Какие глупости. Театр. А говоришь: театр не любишь.

ДАРЬЯ. А вы говорите: «Мелкая речка Урал», Василий Иванович... Да. Удивительно. Я тысячи девок за эти десять лет наряжала в свадебные платья, столько их продала, этих платьев, а себе вот не удосужилась платье продать.

АНДРЕЙ. Дашенька, только не надо меня обвинять в том, что я разрушил твой бизнес. Ну при чём тут я? Не надо, прошу, с больной головы на здоровую. Ты все полгода, что я был с тобой, каждый день жаловалась, что свадебные платья и костюмы плохо продаются. Ну вспомни! А я слышал по телевизору, что сейчас в России стало на порядок меньше свадеб. Люди не вступают в брак. Потому что в девяностые женщины меньше рожали, да, да! Из-за кризиса. И сегодня в разы меньше людей, которые по возрасту могут считаться брачующимися.

ДАРЬЯ. Да?

АНДРЕЙ. Да, Дашенька, да! Стало гораздо меньше браков. Это научный факт. Так что не надо на меня валить всё. Я тут при чём? Надо валить на время, на страшное время, которое Россия с помощью Господа Бога Всевышнего и ангелов небесных каким-то странным образом проскочила. Проклятые девяностые. Вот как-то просто вот что-то её над пропастью пронесло, мою прекрасную Родину. Даже и не знаю, что. Ну, Россия всегда вставала с колен, несмотря ни на какие трудности, препятствия, препоны... Там померить можно костюм?

ДАРЬЯ. Там.

АНДРЕЙ. Может, взять вон тот в полоску лучше?

ДАРЬЯ. Бери какой нравится.

МОЛЧАНИЕ.

Какой же ты умный, а? Но словно камень.

АНДРЕЙ. Дашенька, это неправда.

ДАРЬЯ. Тебе меня – не жалко, про ребенка ему говорю – не слышит. Мимо ушей. Вот как так люди могут: вдруг будто отрубает себе что-то, все чувства, а?

АНДРЕЙ. Ну не надо, я ничего не отрубал. Это твой, так сказать, своеобразный взгляд на меня, в тебе говорит обида. Я понимаю, но что я могу сделать со своими чувствами?

ДАРЬЯ. Тебя, гляжу, Россия беспокоит. А вот я – нет. Я перед тобой стою. Нет, не беспокоит.

АНДРЕЙ. Ну, почему ты так говоришь? Конечно, беспокоит. Но что я могу сделать? Чем я могу тебе помочь? Дашенька, прекращай. Там можно померить костюм?

ДАРЬЯ. Видать, у тебя столько баб, что тебе едва ли не каждый день говорят про детей от тебя, и ты устал слушать это и пропускаешь мимо ушей, а главное – мимо сердца.

АНДРЕЙ. Хватит.

ДАРЬЯ. Так? Да так, конечно.

АНДРЕЙ. Дашенька, я тебя повеселю. Ты же говоришь, что ты любитель анекдотов? Ну вот, слушай. Сейчас в машине по «Камеди клуб» услышал. Я только «Камеди» слушаю, не могу новости. Там, в новостях, всё время: убили, застрелили, повесили или повесился. А «Камеди» смешные, с ними отвлекаешься от этой гадкой жизни... Понимаешь?

ДАРЬЯ. Ну да.

АНДРЕЙ. Ну вот. Анекдот: мужик приходит к врачу на осмотр, тот его обследует и говорит: «Поздравляю, в вас зародилась новая жизнь!» Мужик ему: «Но я мужчина, как так?!» А врач ему: «Я имею в виду, что у вас глисты!»

Андрей долго смеётся. Даша молчит.

Не смешно?

ДАРЬЯ. Жутко смешно.

АНДРЕЙ. Ну ладно, раз ты не в настроении, я пойду – померяю костюм там...

ДАРЬЯ. Померь, померь...

Андрей снимает с манекена костюм, уходит в примерочную, закрывает шторку, и кольца звякают по железной палке. Шебуришится там, за занавеской.

Манекен, с которого он снял костюм, постоял, постоял и вдруг упал.

Даша подошла, подняла его. Стоит, смотрит на манекен. Руки ему на плечи положила.

А что ты прячешься?

АНДРЕЙ. Ну, я тебя стесняюсь...

ДАРЬЯ. А-а. Нуда.

АНДРЕЙ. Я очень стеснительный, ты разве не заметила, Дашенька?

ДАРЬЯ. Конечно, заметила. Ты боишься меня, потому что думаешь, что я увижу тебя в трусах с прикольной надписью, возбужусь, наброшусь на тебя и изнасилую. Да?

АНДРЕЙ. Ну да. Ну, как тогда, в первый раз. Дашенька, ты же меня просто изнасиловала. Ну согласишься. Ты меня просто затащила в постель, и всё. Мне, по идее, надо было, так-то, утром написать в полицию заявление об изнасиловании. Ну, так-то да, согласишься?

ДАРЬЯ. Ну, так-то да.

АНДРЕЙ. Но я не написал, потому что, как я уже сказал выше, я очень стеснительный, мне было неловко об этом сообщать в правоохранительные органы. Ну, так-то – да, надо было бы.

ДАРЬЯ. Ну, так-то да. Правильно.

АНДРЕЙ. Прикольно. А тут, оказывается, подклад шёлковый у пиджака...

ДАРЬЯ. Прикольно, да.

АНДРЕЙ. А в кармане платочек, чтобы его всунуть в кармашек на груди.

ДАРЬЯ. Ну, всунь.

АНДРЕЙ. Прикольно как.

ДАРЬЯ. Прикольно, да. А вы говорите: «Мелкая речка Урал!», Василий Иванович...

АНДРЕЙ. Ну хватит тебе...

Андрей за занавесками возится, примеряет костюм, напевает: «Милая моя, звёздочка лесная...»

Дарья курит.

Вытерла слезы, затушила сигарету, встала, смотрит в окно.

ДАРЬЯ. Надо же. Я до семи лет, пока в школу не пошла, была уверена, что мы живём в Москве. Очень странно. Думала: вот это, наш город, и есть Москва и мы живём в столице. Пришла в первый класс, а мне сказали, что мы живём совсем не в столице, а в жопе мира. И разрушили маленькой девочке все иллюзии.

АНДРЕЙ. Я не слышу.

ДАРЬЯ. Да и не надо. Я сама с собой. Как всю жизнь. Я одна. Я одна. Я всю жизнь одна. Господи, как я устала от одиночества. И за что мне это, за что? Все мои подружки замужем, у всех дети, у всех всё пучком, а я одна – как белая ворона. Масакра какая. Адище какой-то с моей жизнью. Почему я никому не нужна, почему меня никто не подберёт, не заберёт, не прижмёт к себе, не пожалеет, не погладит, не защитит, почему?

АНДРЕЙ. Я ничего не слышу, тут плотные шторы.

ДАРЬЯ. Я не тебе, я сама с собой.

АНДРЕЙ. Сама с собой? Ну ладно тогда.

ДАРЬЯ. Всю жизнь тяну ляжку, всю жизнь бита и бита, всю жизнь каждую ночь плачу в подушку и молю Бога, чтобы кто-нибудь меня подобрал бы и прижал к себе. Неужели я такая страшная, такая глупая, такая негодная Богу? Зачем тогда создал меня, зачем тогда я появилась на свет, сюда, зачем я мучаюсь, зачем мне жить, почему я не умерла сразу, как родилась?

АНДРЕЙ. Глянь в окно, стоит там машина моя? Я припарковался, но боюсь, что там нельзя, приедет эвакуатор, и машину заберут. Ты ведь у окна стоишь?

ДАРЬЯ. Я у окна стою.

АНДРЕЙ. Не приехал эвакуатор?

ДАРЬЯ. Нет, не приехал.

АНДРЕЙ. Ну, я сейчас.

Даша смотрит в окно, молчит.

Трамвай за окном прогрохотал.

ДАРЬЯ. Есть же где-то парень, мужик какой, которому так же одиноко и херово, как мне. Ну, где ты, ну приди, ну заведи меня, а? Я тебе буду ноги мыть и юшку пить из того тазика, в котором я тебе ноги мыла, слышишь? Я всё-всё для тебя сделаю, только если я нужна тебе буду, если ты меня так же любить будешь, как я тебя стану любить. Слышишь, нет?

АНДРЕЙ. Я ничего не слышу.

ДАРЬЯ. Я не тебе.

АНДРЕЙ. А-а. Ну ладно...

ДАРЬЯ. Как я устала от одиночества. Столько дней, столько ночей, и никого на белом свете, ни одного человека, кому я нужна была бы, кому я была бы нужна. Господи, за что ты меня так мучаешь, за что?!

Молчит, слёзы вытирает.

Из примерочной вышел Андрей.

Он в красивом костюме, он улыбается, пиджак одёргивает.

АНДРЕЙ. Ну как? Нормально мне?

Даша подошла к нему, взяла его за руки. Они вдруг и вправду стали как жених и невеста. Даша поцеловала Андрея. Улыбается.

ДАРЬЯ. Ну да.

АНДРЕЙ. Ну, ты давай, без фанатизма... Ну, так-то да, всё ведь нормально, нет?

ДАРЬЯ. Нормально. Конечно.

АНДРЕЙ. Ну и всё тогда?

ДАРЬЯ. Ну и тогда всё. Нормально. Нормалды. Иди. Иди давай. Иди. Детское время кончилось.

АНДРЕЙ. Можно прямо в этом костюме пойти?

ДАРЬЯ. Ну а что, нет?

АНДРЕЙ. Я тогда заберу куртку свою, одежду там всякую и положу в эти две сумки? Можно ведь, да?

ДАРЬЯ. Конечно, можно.

АНДРЕЙ. Я сумки заберу тогда, а? Ну, ты ведь сказала, что можно взять, что ты их на помойку выкинешь. Можно? Вдруг мне пригодятся в новом деле...

ДАРЬЯ. Конечно, можно.

АНДРЕЙ. Тебе же не надо теперь будет? Ты же не обидишься?

ДАРЬЯ. Не надо. Не обижусь.

АНДРЕЙ. Ну я пошёл тогда.

ДАРЬЯ. Иди. Забирай. Забирай всё. Иди.

Андрей берёт клетчатые сумки за ручки, тащит их с трудом, пыхтя, пятась к двери.

Втискивает их в двери, машет рукой Даше, улыбается.

Дверь хлопнула.

Ушёл.

Даша стоит, молчит.

Слёзы вытирает, улыбается.

Темнота.

Занавес

Конец

Татьяна Берцева

Татьяна Берцева родилась в Ленинграде. Имеет два высших образования и учёную степень: кандидат сельскохозяйственных наук. Преподаёт ландшафтную архитектуру в Санкт-Петербургском лесотехническом университете. Автор ряда научных статей.

Заниматься литературным творчеством начала в 2012 году, первая публикация состоялась в 2016. В 2017 году вышел первый сборник рассказов. Он любопытен по оформлению – перевертыш: с одной стороны – «Закладки для бытия», реалистические рассказы, с другой – «Заплата для бытия», фантастика.

Публиковалась в альманахе «Полдень», журналах «Мир фантастики», «Невский альманах», «На русских просторах». Участница фестиваля «РосКон». Живёт в Санкт-Петербурге.

Гуляющая роща

Рассказ

Счёт шёл на минуты. Конечно, это преувеличение, но тем не менее Матвей в нетерпении постоянно поглядывал на часы, хоть и понимал, что быстрее от этого поезд не доедет. А после поезда ещё полсотни километров на автобусе. Хотя нет: директор обещал прислать за ним машину лесничества.

Сердце пульсировало в горле, заходило в бешеном темпе, затрудняя дыхание. А ведь Матвей всегда отличался завидным здоровьем. Ещё бы: ведь зачат он был в Гуляющей роще, но не в деревне с таким же названием, а в самой роще! И ни разу не пропустил её появления.

Когда две недели назад Матвей вынужден был уехать в город, куда отвезли в больницу отца, на юго-восточной опушке из старого ельника выступил берёзовый мыс. Вся деревня ежедневно выходила к рощиной поляне смотреть, как движется лес. Вся деревня ждала, что будет, когда роща дойдёт до новой дороги...

* * *

Матвею исполнилось почти четыре с половиной, когда его первый раз повели в Гуляющую рощу, что пришла в очередной раз. Маленький Матвей запомнил лишь ощущение свободы и полной безопасности. Родители разрешали ему бегать где угодно, зная, что с ребёнком ничего не случится.

В роще всегда собиралось много сельчан, но так получалось, что никто никому не мешал. Если кто-то хотел уединиться, то находилось уютное местечко. Тем, кто занимался собирательством, вдоволь хватало грибов и ягод. И никто ни разу не заблудился, не подвернул ногу, не оцарапался сломанной веткой или шипастым кустом.

Спустя месяц роща пересекла свою поляну и исчезла – как и всегда. Матвей тогда ещё долго просился погулять именно в роще и никак не хотел понимать, что она ушла.

– Ещё придёт, – уговаривала мать. – Пройдёт шесть лет, и она вернётся. И если ты будешь себя хорошо вести, то снова сможешь в ней гулять.

Такие разговоры велись, наверное, в каждом втором доме деревни. Дети, конечно, рождались каждый год, но больше всего – всё-таки весной следующего за необычным явлением года. Просто местные знали, что у ребёнка всё будет хорошо и со здоровьем, и в жизни вообще, если его зачать именно в Гуляющей роще.

* * *

Дети быстро забывают то, что не повторяется регулярно. Вот и Матвей через несколько лет совсем забыл, что было когда-то такое уютное местечко. Пока не пошёл в школу. Школа местная, сельская. Окончил три класса. Задали им на лето задание: узнать, откуда пошло название их деревни.

– Так просто всё, – пожал плечами отец, когда Матвей спросил его о названии. – Этим летом опять должна появиться. Помнишь, гуляли в ней шесть лет назад? Во-о-от. Она каждые шесть лет приходит. Только всякий раз в другом направлении движется. В этом году с северо-запада появиться должна, а в прошлый раз с юго-востока приходила. Так и гуляет: то туда, то обратно.

- А почему? – задал Матвей извечный детский вопрос.
- Что «почему»?
- Почему раз в шесть лет?
- Да кто ж знает! – Отец снова пожал плечами. – Может, только если у лесников спросить.

Они ж вроде про лес всё знать должны.

Матвей так и поступил: пришёл в контору лесничества, что на краю села стояла, к лесу ближе, стал выпрашивать. Да только лесники ничего ему объяснить не смогли. Только и рассказали, что давно уже за этим уникальным явлением природы наблюдают, но всё никак на карты её нанести не могут. Вот как это сделать, если самостоятельный лесной выдел будто ниоткуда появляется с одного края поляны, через поляну проходит и на другом крае словно растворяется в опушке.

Летнее задание тогда Матвей выполнил не хуже одноклассников, а для себя решил, что надо узнать о Гуляющей роще побольше. Ведь известно, что деревья ходить не могут, а тут целый кусок леса перемещается как-то.

* * *

Следующий раз Гуляющая роща появилась, когда Матвей девятый класс окончил. Продолжать учёбу предстояло уже где-то в другом месте: старших классов в деревенской школе не было. Значит, придётся ехать в город и там уже подавать документы куда-нибудь. Но это только в августе.

А в июле роща снова должна была появиться. Матвей собирался помочь родителям насобирать припасов, чтобы на несколько лет хватило, а заодно и понаблюдать за странным лесом, попытаться увидеть, как же там деревья всё-таки перемещаются.

Как? Как увидеть? Матвей заготавливал колышки и вбивал их при входе в рощу у крайнего дерева. А дальше... Дальше ничего не получалось. Если Матвей заходил в лес и собирал там грибы, то через несколько часов обнаруживал свой колышек уже среди деревьев. Чем дольше собирал, тем дальше оказывался колышек. Если оставался на опушке рядом с колышком, раскидывал подстилку, устраивался почитать или поиграть с собой в шахматы, не замечал вообще ничего, но потом оказывалось, что и колышек, и опушка, и он сам оказывались ближе к центру поляны. Так что не получалось никак даже увидеть перемещение, зафиксировать, а понять – тем более.

* * *

Дальше время стало двигаться быстрее. Матвей окончил лесной техникум, поступил в лесной институт. Учился старательно. Всё пытался понять, как же лес растёт. И как он перемещаться может?

После третьего курса подсуеллся, чтобы на практику его направили в родное лесничество. Ведь в этот год снова должна была появиться загадочная роща. Как же мог Матвей пропустить такое событие?! Что делать, если производственная практика у них выпадала как раз на тот период, когда Гуляющая роща шла через поляну? Только заранее подготовить всё так, чтобы практику эту у себя в деревне проходить.

Сошёл тогда с поезда, пошёл было к автобусной остановке, чтобы к себе дальше ехать.

– Эй! Матвейка! Ты ли энто? – услышал за спиной. Оглянулся.

– Степан Григорьич, здрасте! – поклонился Матвей давнему знакомцу, леснику. – А меня вот к вам на практику направили.

– Энто хорошо, – лесник посерьёзней. – Тут, вишь, проблема у нас возникла. Помощь любая пригодится. Я те потом всё объясню. Сейчас комиссию надоть встречать. Мне машину

большую дали, так что и тебя довезу. Вон они. Потом всё! Слушай, что я им балакать буду, а сам не вмешивайся, молчи.

Лесник торопливо пошёл навстречу троим городского вида, сошедшим с того же поезда. Переговорил с ними о чём-то и приглашающе махнул в сторону машины. И Матвей с ними пристроился, которого Григорьич кратко охарактеризовал: «Практикант энтэ из города». Матвей удивился, почему его как городского представили, но вовремя вспомнил предупреждение и промолчал.

Правильно промолчал. Тут слушать надо было. Оказывается, новый глава области решил дорогу проложить между соседними областями, чтобы регион развивать. Всё бы хорошо, только дорога должна пройти через рощину поляну. Матвей как услышал, рот раскрыл, да и забыл закрыть. А как же роща?! Которая Гуляющая...

А та уже от северо-западной опушки окружающего леса оторвалась – начала своё шествие через поляну. Только деревенские в этот день в лес не спешили. Собрались вдоль дороги, по которой гости подъезжали. Надо ж посмотреть, что за люди такие.

Гости тогда только прогулялись до рощиной поляны, издали посмотрели, головами покивали, руками поразмахивали, показывая, как дорога пройдёт.

– Вам только вон у той рощицы надо будет несколько крайних деревьев порубить, – вынесла комиссия вердикт.

Проводив гостей, лесник нашёл Матвея.

– Ну, практикант, давай таксацию-инвентаризацию сего выдела ходячего проводи, опишывай, чтобы знать, что у нас там с запасами древесины. Вот тебе и практика.

Выдал Матвею планшет, инструменты, мальчонку – рейку для теодолита держать – и кучу указаний, в каком порядке работы вести, чтобы не слишком шустро деревья из поля зрения ускользали.

А через две недели следующая комиссия приехала.

– Что за ерунду тут наши предшественники понаписали? Край рощи всего снести, говорят? Да тут весь массив сносить надо: дорога же как раз через его центр пройдёт, – постановили.

Деревенские все в панике. Как можно Гуляющую рощу сносить?!

Матвей теперь уже со знанием дела оценил насаждение. Единый выдел березняка разнотравно-папоротникового, возраст древостоя, если по диаметрам стволов судить, лет сорок-пятьдесят. Граница у выдела чёткая, форма простая. Только в старый вопрос упёрся: как её на карту нанести, если она каждый день сдвигается?

После практики остался Матвей в деревне до конца лета, благо каникулы никто не отменял. Успел ещё грибов, ягод родителям насобирать да сил поднабраться. Удалось и проводить рощу, когда дошла она до другого края поляны и растворилась в опушке леса.

А к концу августа – новая комиссия. И вот вам!

– Что они понаписали? Какая такая роща мешает дорогу по поляне проложить? Ну и где она? Неужто успели вырубить? Это вы молодцы! Нормально теперь тут дорога ляжет. Попробуем вам там наверху премию, что ли...

* * *

Короче, за два года отгрохали трассу асфальтированную между двумя районными центрами.

Матвей за это время лесной институт окончил и в родное лесничество работать вернулся. О Гуляющей роще он теперь многое знал. Изучил все её лесные да таксационные характеристики, скорость, с которой она через поляну проходит, сроки появления. Но... так и не узнал, откуда и куда она идёт и как, почему вообще перемещается. И не надо! Главное – что раз в

шесть лет идёт она в одну сторону, ещё через шесть лет – в другую и что все, кто в ней бывает, всегда здоровы и счастливы.

Вот только что с дорогой-то делать? Наступил год, когда снова роща появиться должна, а через её поляну – дорога. Прямо поперёк пути. Так вернётся ли роща вообще? А появится – сумеет ли через дорогу перейти? Ведь если в часах маятнику движение затормозить, часы и сломаться могут. А если маятник этот природный – природа сломается?

* * *

Отец Матвея благодаря роще никогда не болел, но в начале этого лета в обычном лесу попал под лося в гоне. Едва жив остался, но переломан весь. Пришлось в город везти, в больницу. Как раз когда Гуляющая роща начала появляться. Матвей с матерью по очереди в палате дежурили. Когда отцу стало легче, велел он Матвею домой вернуться. По времени роща уже к новой дороге подойти должна была.

Вот и возвращался Матвей в деревню в состоянии, близком к панике.

Машина лесничества его прямо к лесу привезла, по той самой дороге.

Роща топталась у обочины. Матвей видел, как берёзы клонятся над дорогой, сгибаются, вздрагивают, дёргаются. От резких движений срывалась зелёная листва, хотя ветра не было. Задние деревья напирали, создавая у дороги совсем непроходимую чащобу. Слышно было, как ломались ветви, трещали стволы. Стояли вокруг люди, роптали. Старухи молились, изредка вытирая слёзы.

Выскочил Матвей из машины, глянул на рощу, на людей. Силён лес, но не хватает сил дорогу перейти. Слабы люди, только и хватает сил недовольство выразить. Понял Матвей, что сейчас все возможные силы объединить следует.

– Что стоите?! – заорал вдруг. – А ну все по домам!

– Ты что, сынок?

– По домам, говорю! За ломами, лопатами. А ты, – он повернулся к водителю, – лети в лесничество, трактор гони сюда! Асфальт ломать будем!

* * *

С тех пор повелось, что раз в шесть лет недели на две-три закрывают участок дороги в районе деревни Гуляющая Роща на ремонт. А поскольку начальники чаще меняются, то никто этой закономерности в верхах до сих пор и не заметил. Так и живут люди в далёком, захолустном посёлке со странным названием, как всегда жили. Только всё больше детей потом в экологию да охрану природы работать идёт. А Матвей хоть большим начальником и не стал, зато добился в высших инстанциях для рощиной поляны и окружающего леса статуса особо охраняемой природной территории. Так что в ближайшее время ничто странному артефакту не угрожает.

Дарья Верясова

Дарья Верясова родилась в Норильске в 1985 году. Подростком переехала с родителями в Абакан. Училась в Красноярском государственном университете, на социально-правовом факультете и факультете филологии и журналистики. Окончила Литературный институт.

Публиковалась в журналах «День и ночь», «Октябрь», «Волга», альманахах «Новый Енисейский литератор», «Пятью пять», «Илья», газете «Заполярная правда»... В 2012 году принимала участие в ликвидации последствий наводнения в Крымске, в результате чего написала документальную повесть «Муляка». В декабре 2013 и феврале 2014 ездила в Киев, а в 2017 году – в Донбасс «для того, чтобы собственными глазами увидеть и оценить происходящее».

В 2016 году стала лауреатом литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева в номинации «Проза» за повесть «Похмелье».

Потому что он – всегда

* * *

С октябрём снегопады совпали,
Отзвенело закат комарё.
Спи, моя земляничная память,
Оборотное зелье моё.

Тонут яблоки в старой корзине,
Вовсе выйдут на Покрова.
День сверкнул хрусталём стрекозиным,
Подогнула колени трава.

И ребёнок, бегущий за ветром,
Колотя деревянный настил,
Однокрылую птицу заметил
И на волю её отпустил.

* * *

В тот год, когда Елена умерла,
Когда из рук моих исчезла сила,
Мария пела и вино пила,
А я прощенья у неё просила.

Я злой была, я горечью была,
Была словами самыми простыми.
В тот год, когда Елена умерла,
Мария отвернулась от пустыни.

Кимвал звучал, тоской звенела медь,
И всякой твари делалось обидно.
Поскольку очевидна стала смерть,
Любовь наоборот – неочевидна.

Меня поила болью из горла
Рука, которой доверяла слепо.
В тот год, когда Елена умерла,
И я за нею потянулась следом.

Она вверху, как облако, плыла.
Вокруг меня песком лежало тело.

Мария пела и вино пила.
Пила вино и пела.

* * *

Когда-нибудь, неповторимый мой,
Потянет в землю, повлечёт домой
Громоздким телом, смутными стихами.
Но, прежде чем проститься на века,
Целую голос твой издалека,
Беспечные слова твои вдыхаю.

Я рассказать хочу тебе о том,
Как дерево за утренним окном
Качалось, вздрагивало, свиристело.
Когда-нибудь – запомни, запиши! —
Освободишься от моей души,
С душою вместе выскочив из тела.

Когда-нибудь останемся вдвоём,
Где тёплый дом, где сад и водоём,
Где ткут, пекут и горбятся над плугом,
Где виноград хранит дверной проём.
И смерть умрём, и жизнь переживём,
И даже не посмотрим друг на друга.

Когда-нибудь откроется и нам:
Все рыбы ускользнули в океан,
Все самолёты улетели в небо,
А мы живём – рассудку вопреки,
В загаженный поток Москвы-реки
Бессмысленно закидывая невод.

* * *

Вечер мой, бесталанный мой,
Закаляй пути домой,
И, об стакан звеня,
Ты нарисуй меня
В самом убогом виде,
Двери размажь и вытри,
Чтоб не зайти, не выйти.

Белой кистью в одном мазке
Проведи меня по Москве,

Кляксами ставь огни.
Выше земли толкни —
Чтоб разлетелась гулом,
Чтоб на бульваре хмуром
Тополь захолонуло...

* * *

Седой бедой от неба до Саян
Мне голос твой из тишины сиял.
Такая затевалась заваруха,
Где жил потомок снега и славян
На древней смеси зрения и слуха.

Глотали рёбра пение стрелы,
Но шли в атаку русские тылы —
Всегда в песке и серые от глины.
И спали – от Таймыра до Тывы —
Ничейные, но братские могилы.

Я буду здесь, пока не отзвенел
Мне голос разнотравья и зверей:
Так жизнь свою о землю истрепали,
Кто с молоком монгольских матерей
Всосали дым над дикими степями.

* * *

По Енисею сплавляют лес и теряют брёвна.
Брёвна потом мужики вылавливают, из местных.
Какие-то топляки достигают моря,
Дальнейшая их судьба неизвестна.

Топляки – это те, что прошли и топор, и воду,
Самое прочное дерево, из железа.
И когда они вырываются на свободу,
Знаешь, что строит море из нашего леса?

Можно расти, всем берегом помня время:
То ледостав, то ледоход, то сплавы.
Лето, похожее на смолу, смородину и тайменя.
Зиму, срастившую этот берег и правый.

Мальчика, что пропал за тем перевалом.
Женщину, что утопла за тем порогом.

Если весной земляники бывает мало,
Значит, потом грибов уродится много.

Зверь не почешет спину, метнётся тенью,
Линия гор – то прямою, то непрямою.
Корни из нашей земли не выдернешь, только тело
Падает, падает и уплывает к морю.

* * *

Был город. И теперь он есть, конечно.
Там черемшу и первую черешню
На улицах с коробок продают.

Черешню-то теперь нельзя, наверно,
Но черемшу привозят из деревни
И всё-таки с коробок продают.

Был город. Я была. Фонтаны били,
Как водится, конечно, голубые.
И музыка, и музыка была.

(Я всё же это сделаю) – «наивно».
С тем городом любили мы взаимно,
И это первая любовь была.

Мне город был по сердцу и по росту.
Всё было просто. Или очень просто.
Крапивы проще, проще лопуха.

Мне город был на откуп и на милость,
И жизнь ещё совсем не говорилась,
Поскольку говорилась чепуха.

Дождь бил насквозь, он никогда не сеял.
И темнота тянулась с Енисея.
И воробьи гоняли голубей.

Садилась звёзды на макушки сосен,
Там были лето, и зима, и осень,
А вот весну не помню, хоть убей.

А после было много, очень много,
Не жизнь, а бесконечная дорога.
Туда, сюда, куда ни занесёт.

Но город жил, ему какое дело,

Я улетела или прилетела.
И мне не вспоминалось это всё.

Я как походный нож его таскала
С собою от вокзала до вокзала.
От тишины до грома и креста.

Как первая строка стихотворенья,
Он стал мне навсегда – благословенье.
Он навсегда мне стал.

* * *

Рыбы, камни, ил и надо всеми —
Ледяные блики Енисея.
Серая тяжёлая вода,
Сколько жизней ты текла сюда?
Долгая сибирская вода.

И когда я пятернёю всею
Волосы трепала Енисею,
Волосы из памяти и льда,
Пальцы плыли за водою следом,
Мир качался серебристым светом
И не прекращался никогда.

Потому что Енисей течёт на север.
Потому что он всегда течёт на север.
Потому что он – всегда.

Александр Снегирёв

Александр Снегирёв родился в 1980 году в Москве. Учился в Московском архитектурном институте, окончил Российский университет дружбы народов, магистр политологии. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь». Автор нескольких книг прозы, в том числе «Нефтяная Венера», «Тицеславие», «Чувство вины», «Вера», «Призрачная дорога». Лауреат премии «Русский Букер». Живёт в Москве.

Делал как для себя

Рассказ

Прежде чем найти вход, я долго шёл вдоль монументальной стены.

Зачем такая основательность: чтобы никто не проник снаружи или внутри томятся узники, требующие надёжной ограды?

Как бы то ни было, рак у нас в почёте.

Прошёл внутрь, сообщил имя врача, к которому записан.

Точнее, к которой.

Отправил личное сообщение: «Я тут».

Получил ответ: «Сейчас спущусь».

Зашёл в аптеку, глазею.

Повсюду лекарства, лекарства, одни чёртовы лекарства и ни одного презерватива.

Бахилы есть, фальшивые сиськи есть, причём поштучно, а резинок нет.

Заглянул в соседнюю лавку, с париками.

Стою, чешу лысину.

– Можно примерить?

– Это женские.

– Мне всегда хотелось экстравагантную причёску, может, это последний шанс, неужели вы мне откажете?

Я сам удивился тому, как мой рот сменил интонации. Мой рот самостоятельно намекнул продавщице, что лысина у меня типа не просто так и я типа не посторонний зевака.

Продавщица окинула меня взглядом гробовщика, делающего примерку. Я сделал жалобные глаза и втянул щёки.

– Мужчина, – сказала продавщица голосом, которым обращаются к распоясавшимся тридцативосьмилетним шалопаям. – Мужчина, чего вы дурию маетесь, вам же не надо.

– Откуда вы знаете, что мне не надо?!

– Видно.

– Без парика холодно, – пожаловался я.

– Купите шапку, дешевле выйдет.

После неудачи с шевелюрой я отправился в конфетный магазинчик.

По пути обогнал старика с катетером, болтающимся у пояса словно прозрачная фляжка с фантой.

* * *

В магазинчике конфеты.

Самые немислимые коробки и коробочки. Будущие подарки для персонала любого калибра, от нянечки до главврача.

У нас докторам дарят столько конфет, что съесть их невозможно. Не удивлюсь, если местные сотрудники содержат магазинчик вкладчину – просто сдают подаренное обратно. Таким образом каждая коробка может быть продана бесчисленное множество раз, пока не истечёт срок годности.

Я решил отдать дань традиции, примерился к австрийскому шоколаду, к швейцарскому. В итоге взял куличики с посыпкой из какао.

А вот и доктор.

* * *

Идём длинными коридорами, белый халат ей к лицу.

И к лицу, и к талии, и к ногам.

В лифте я крепко беру её за волосы – не парик.

* * *

В кабинете располагаются двое: моя и коллега. У коллеги на лице синяки от косметических уколов. Выразительно посмотрев на меня, коллега вышла.

– Раздевайся, ложись.

Я разделся и лёг.

Она намазала мой живот слизью и принялась водить по нему фаллоимитатором, присоединённым к аппарату ультразвуковой диагностики.

Разумеется, это не фаллоимитатор, просто у меня болезненное воображение.

– Какая красивая печень.

Она смотрела на экран, а я – на неё.

– В смысле, красивая?

– Такая плотная.

Дверь в кабинет распахнута, из коридора доносятся разговоры ожидающих своей очереди пациентов, кушетка, на которой я лежу, скрыта ширмой.

– На ультразвуке узнаёшь о людях всё, – она размазывает по мне слизь.

– Что именно узнаёшь?

– Ты сыт или голоден, хочешь в туалет или не хочешь.

– Расскажи про меня.

– Ты сыт.

– Но я ничего не ел, как ты и велела.

– Совсем ничего? Чай не пил?

– Не пил.

– Совсем?

– Совсем.

– Совсем-совсем?

– Чай не пил, но...

– Что «но»?

– Кофе пил.

– И всё?

– Всё.

– Один пустой кофе?
– Да, один пустой кофе. Со сливками.
– Так.
– Что «так»? Разве кофе со сливками – это еда?
– Кофе со сливками не еда, а вот бутербродик...
– Что бутербродик?
– Бутербродик ты случайно не ел, чисто символически? – Она надавила мне на живот.
– Бутербродик?
– Да, бутербродик.
– Разве что совсем маленький.
– Один?
– Три.
– А тортик?
– Эклер, – признался я чуть ли не со слезами. – Ванильный.
– Поздравляю, у тебя всё в пределах нормы, хоть ты и не натошак. – Она протянула мне салфетку.
– Вытри ты, – сказал я.
Она с нажимом протёрла мой живот, а я подумал, что приятно ощущать силу собственных мышц, противостоящих её ладони.

Она подошла к окну, высунулась, сорвала с ветки сливу, помыла заодно с руками и протянула мне.

– Каждый год урожай. Тут везде аппараты облучения. Умеренная радиация растениям тоже полезна.

Я свесил ноги с кушетки и стал есть сливу.

Она оказалась сочной и сладкой, как будто с рынка.

– Извини, я не купил резинки, – сказал я. – В последний момент спохватился, а они у вас не продаются.

– Плохой мальчик. – Она взяла меня за ухо, я коснулся губами её руки. – Сама удивляюсь, почему они здесь не продаются. Видимо, считается, что смертельно больные думают только о лекарствах и совсем не думают о вечном.

Я всегда приношу ей презервативы. Иногда она со своим ультразвуковым фаллоимитатором должна проникать внутрь пациентов. Без резинки не обойтись. А больница не обеспечивает, приходится за свой счёт покупать.

* * *

На прощание, глядя на её декольте, я сказал, что грудь получилась очень хорошо.

– Нравится? – оживилась она.

– Хочется там жить, – ответил я и склонился, чтобы поцеловать внушительные выпуклости в вырезе халата.

– Знакомый хирург делал. Как для себя.

Мы оба рассмеялись этой двусмысленности.

– Ладно, иди, а то увидят. Напишу после суток.

Она написала раньше.

Очень вкусные конфеты.

Вкусные... значит, обратно в лавку не перепродала.

Михаил Куимов

Михаил Куимов родился в 1993 году в Соликамске. Выпускник геологического факультета Пермского государственного университета. До 2018 года работал в калийной шахте, затем на золотых приисках Колымы. Лауреат нескольких краевых литературных конкурсов, публиковался в журналах «Урал» и «Вещь», сборнике «Шепчутся и кричат», «Антологии современной уральской поэзии» (том 4), соавтор поэтического сборника «Шанс для неизданных» (2017), автор книги стихотворений «Хребет» (2019).

Снег уже не растает до мая

* * *

Как истрачу дни,
Вместо скорби слова
В некролог черкни:
«Никогда и снова».

И шагай сутра,
Но не слишком рано,
Выпить у шатра
Два американо.

Покури взятяг.
И запомни только:
Это вздор, пустяк,
Роковая долька.

Смех оставь на чай.
В лоне улиц мёрзлых
Скройся. Обещай
Мне – не слушать мёртвых.

Цивилизация

У центра пустовала церковь. Речка
Текла с востока, тихая, как речь, как
Несмелый голос прошлого, утрату
Оплакивая. Посмотри на карту.
О городок! Музей миниатюр! Мы
Глядим на север: видим лес и тюрьмы;
Глядим на юг, в гряде солеотвала:
Едва пространства! Потому нам мало
В нём воздуха. И времени. У центра —
Пустая церковь, видимо, уценка
В отсутствие ширин и длин, высоток.
Пейзаж большее, чем удар в висок. Так
Не помогают глазу сон и бренди,
Услышанные краем уха бредни
Под узким, как растяжка, небом. Запад
Пылал закатом. Всем привычный запах
Витал над площадью автовокзала.

Никто не замечал, как угасала
Цивилизация. Скамейки сквера
Что зубы старика. Кончалась эра.
Ничто не сохранить. Ограды прутья
Не сберегут от вечности. Не будь я
Одним из смертных, лучше не сказал бы.
У центра пустовала церковь. Залпы
Беззвучия взрывали её купол
В той мере, как заполнен домик кукол
Бездушием. И звёзды словно грозди.
И ночь вбивает в крест кривые гвозди.

Олеся

Тьма с Олесей давно знакома.
Тьмой Олеся извне влекома.
Смерть вдыхает её через рот
Або наоборот.
«Человечество – это плесень», —
Повторяет во тьму Олеся.
Тьма в ответ произносит: «Азь есмь.
Это тоже болезнь».
Смерть целует Олесю в темя.
Словно кровь, застывает время.
Перевернутый сумрак вверх дном
Говорит на родном
Языке для неё. В истоме
Растекаются звуки. Кроме,
Льётся смеха бурлящий ручей
Через контур плечей.
Да, Олеся, теперь ты дома.
Чувством дома ты лишь ведома.
И пока темнота холодна,
Ты не будешь одна.

* * *

Бог выпал с первым снегом. Смерть его к
Моменту времени – не более чем признак
Спиральности: виток – виток – виток.
Стоишь и смотришь, как над снегом призрак
Парит, полупрозрачный, и ему
Не страшно больше. А тебе – до дрожи.
От смерти, снега, Бога. Но к чему
Волнения? Ведь вы одно и то же.

И застывают лужи, но у льда
Твои черты: беспомощность и холод.
И тени уплывают в никуда:
От снежности. От времени. Тебя от.

* * *

Теперь я разговариваю редко:
Границы расширяет западня.
Тьма падает, как будто табуретка
Из-под ноги упущенного дня.
Кровь остывает медленно, но верно.
Ноябрь. И не расскажешь никому,
Как черепа щербатая каверна
Вбирает внутрь отравленную тьму.

* * *

Никто не застрахован, бро,
И в этом корень драм.
Прости Адамово ребро,
Коль скоро ты Адам.
В удушьё штатной тошноты
Заштопай штольную рта.
Страшной разрозненной четы
Последняя черта.
Никто не должен никому.
Прими сей мир чудной.
Иди по тьме из тьмы во тьму
И слейся с тишиной.

* * *

Мы ляжем в мерзлоту,
Неузнанные птицы,
В серебряном поту
Надпочвенной росы.
На диалекте рыб,
Вонзая в связки спицы,
Познаем песни глыб,
Молчания азы.
Покорно камней,

Стелись своей спиной,
В подцарствие теней
Произрастай, тянись.
Распластанный герой,
Ты был никем и мною,
Укрой себя корой
И опускайся вниз.

* * *

В бараке пахнет деревом – сосной.
Поговори, похмелие, со мной.
Куда нас занесло, чёрт сломит ногу!
Не рвись, не рвись в обратную дорогу.
Принятие – учиться есть чему.
Вдыхай со мной колымскую чуму.
Как небосвод убийственно расхристан!
Пей из ручья перворождённых истин.
Поговори со мной, поговори,
Рельеф изъели сопки-волдыри,
И лиственницы шепчутся на сопках.
Гадай с утра на опустевших стопках.
Календари не различают дат,
Зато ни обретений, ни утрат.
Ромашки расцветают на обоях,
Пытаясь успокоить нас обоих.
Что там осталось, в сущности, вдали?
Любимые, которых подвели,
Родные непросевшие могилы
И полная потеря всякой силы.
Гроб тоже пахнет срубленной сосной.
Поговори, похмелие, со мной.
Мы убежали, чтобы безоглядно.
Молчишь? И ладно.

Мальдяк

Латунных лиственниц ключицы
В опавших сумерках дрожат.
Замри, мерзляк, пусть ночь промчится,
Пока ты не совсем прижат
К колючей проволоке снега
Своей щетинистой щекой,
Где оберегом от побега
Прописаны кайло с киркой,

Где долочёные долины
Усердно давятся дресвой,
Где годы непреодолимы,
Где месяц, словно сам не свой,
На ржавый гвоздь снимает робу
И обессиленно басит.
Где каждый холмик помнит Кобу
И Кобе помнит за визит.

* * *

Снег уже не растает до мая,
Впору валенки из кладовой
Доставать. Я скучал, как, зима, я
Тосковал по тебе, родовой
Травме, то есть по первой по самой,
Ностальгической боли моей,
Недоплаканной, недосказанной.
Добивай же смелее! Смелей.

* * *

Вот так причудливо тасуется колода:
Родных не видел половину года,
А кажется, не видел никогда.
По скулам оловянная вода
Стекает в сторону безречевго брода.
Где плоскогорье спит, седобородо,
Черна золотоносная руда,
Там осязаем линзой изо льда
Взгляд Господа совсем иного рода.

Андрей Рубанов, Василий Авченко

От редакции. Перед вами – фрагмент романа Андрея Рубанова (Москва) и Василия Авченко (Владивосток), который выходит в издательстве «Молодая гвардия».

Андрей Рубанов впервые попал в Приморье год назад, вдохновился этой территорией и живущими на ней людьми и решил написать книгу, действие которой происходило бы во Владивостоке. В соавторы он пригласил Василия Авченко, отвечавшего за все местные детали.

В издательской аннотации говорится: «Штормовое предупреждение» носит подзаголовок «Роман больших расстояний». Санкт-Петербург и Владивосток разделяют 6538 километров по прямой. У неё – Балтика, каналы, Эрмитаж, ночные клубы. У него – праворульные машины, мосты, остров Русский и местная рок-музыка. К чему приведёт случайная встреча двух людей на краю земли? Есть ли шанс у их отношений? И какие опасности таит Японское море?

В центре книги – любовь Вари из Петербурга и Виктора из Владивостока, проблемы «отцов и детей», личного выбора, ответственности. Полноправный герой книги – сам Владивосток, а также его окрестности, где тоже происходит действие: город Большой Камень, остров

Путятина и морские волны. Авторы не исключают, что произведение, специально писавшееся как киноповесть, будет экранизировано.

Штормовое предупреждение

Фрагмент романа

В семь часов вечера выезжаю из Большого Камня. В мае у нас беспроглядные туманы; фары не помогают. А сегодня ещё мелкий дождь. Плюс восемь. И с моря задувает неслабо, баллов, наверное, на пять.

Скоро начнёт темнеть; жму на педаль, борзо обгоняю грузовик: а чего он тошнит?

Может, успею до темноты обогнуть залив и дотянуть до Артёма. Там и дорога получше, и фонари есть.

А от Артёма до города машина сама доедет, как та старая лошадь.

У меня шесть фар: две родные, две противотуманные и ещё две дополнительные – сам ставил.

Шесть фар – вроде понты, но в туман могут и жизнь сберечь.

Или повернуть её, жизнь, в другую сторону.

Так у меня и получилось.

У выезда из Камня на находкинскую трассу – пост автоинспекции, защищенный двумя бетонированными пулемётными гнёздами. Пост давно закрыт-заколочен – но выглядит всё равно сурово.

Пулемётных гнёзд и прочих разнообразных укреплений в нашем краю достаточно.

Чего-чего, а этого – на каждом шагу.

А сбоку от поста – автобусная остановка.

Увидел: маячит одинокая фигура. Девушка.

Одета нарядно и слишком легко для нашего приморского мая.

В свете моих фар вспыхивает золотым отражающая краска на её нарядных кроссовках.

Я едва различаю силуэт в неверной серо-белой дымке, но уже вижу: замёрзла донельзя.

И ещё понимаю: человек не местный.

В начале мая в Большом Камне никто в таких невесомых плащиках не ходит. Куртка нужна, с обязательным капюшоном. И ещё хорошо бы свитерок поддеть.

А ещё лучше – вообще не передвигаться пешком, а ехать на машине, с печкой, с подогревом сидений, с музыкой, и чтоб под капотом сто сорок лошадей буянили, а то и двести сорок, с турбиной.

– Девушка, вам куда?

Красивая очень. Большие глаза. Лицо бледное.

Улыбка осторожная. Боится.

Но меня бояться не надо, особенно девушкам: я человек добрый, спокойный и хорошо воспитанный.

Положительный.

– Мне на остров Путятина.

– До Путятина, – говорю я, – дороги нет. Дорога есть до Дуная, а там паром.

– Мне как раз и нужно на паром. Последний.

– Садитесь, – говорю. – Попробуем успеть.

И расслаблен при этом, уверен, улыбаюсь, потому что бензина у меня почти полный бак: днём в городе заправился.

А с полным баком – жизнь прекрасна, можно и до Дуная смотреться, и обратно.

Незнакомка в плащике колеблется.

Вокруг – ни одной живой души, пустая мокрая дорога, дождь сеет, жалкий фонарь сам себя освещает, сопки едва видны в тумане, нависают многозначительно – всё как в классическом фильме ужасов: юная дева и подозрительный небритый малый на потёртой «тойоте» с правым рулём.

Случай типичный и мне очень понятный: девчонка так замёрзла, что готова прыгнуть в тачку к любому маньяку, лишь бы отогреться.

Плащ мокрый, волосы – длинные, чудные, каштановые- мокрые.

Тут же спешит пристегнуться, ремень поперёк груди тянет.

– Вы не местная, – говорю я.

– Угадали, – отвечает она. – Вообще не местная. Из Петербурга.

– Ничего себе, – говорю я. – Далековато забрались.

– Была причина, – коротко отвечает она.

А я прибавляю ход.

Девчонки бывают двух типов: одни боятся быстро ездить, а других лучше катать на большой скорости, им это нравится; однако в тумане, на мокрой дороге особо не разгонишься.

Ситуация, ещё раз говорю, страшно типичная. Девушка садится к тебе в машину с холода, и, когда закрывает дверь, тепло окутывает её, она проникается уютом твоего салона, как будто в гости попала, а внутри у тебя – чисто, коврики вымыты, сиденья пылесосом отдраены, панельки протёрты до зеркального блеска и, главное, пахнет хорошо, потому что ты не куришь, а самое наиглавнейшее – музыка, конечно, тогда незнакомка испытывает настоящий приход, вроде наркотического, только лучше и бесплатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.